

Наш край

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

№ 13

СТРУГИ КРАСНЫЕ • 2016

НАШ КРАЙ

**Литературно-краеведческий
альманах**

№ 13

Лето 1941 года в исторической хронике и воспоминаниях стружан

Анализ воспоминаний. Жизнь в поселке до войны.

Описание жизни поселка до войны встречается в 9-ти воспоминаниях.

Большинство информантов утверждают, что жили хорошо, еды было в достатке, подростки купались на озёрах, собирали чернику, некоторые держали подсобное хозяйство – гусей, уток, коз, коров и т.п. Лето было жаркое, жизнь спокойная.

В воспоминаниях отмечается, что существовали следующие организации: библиотека, народный дом в котором работали танцевальный кружок, хор, самодеятельный театр, овощехранилище на улице Комсомольской, рядом с поселком был совхоз «Авангард», магазин готовой одежды на станции. Кроме того, отмечаются такие органы власти и учреждения: Районный Комитет ВКП(б), исполком районного Совета депутатов трудящихся, отделение Госбанка, районная сберкасса, районный Народный суд, районная больница, районная электростанция, а также районные отделы НКВД, прокуратуры, народного образования, здравоохранения, земельный отдел.

В четырёх воспоминаниях есть упоминания о Финской войне. Например, Т.Горелова указывает: «Недавняя война с белофиннами ... произвела особо тягостного впечатления, ... воинские эшелоны проходили через нашу станцию, на остановке ... устраивались под гармошку солдатские пляски, звучали песни. Девчата постарше ... дарили красноармейцам вышитые носовые платочки. Война эта быстро закончилась, в наш поселок похоронок не пришло, и инвалидом никто не явился»[6]. На Финской войне воевал отец Тамары Александровны Зайцевой. Там же был ранен Сергей Михайлович Михайлов – он стал инвалидом второй группы и впоследствии в армию не призывался. Отец Е.А. Никитиной был призван в армию после окончания Финской войны «следить за напряжённой обстановкой с Финляндией».

Общей чертой описания жизни до войны в воспоминаниях является акцентирование на хорошей, веселой жизни перед войной. Это связано частично с тем, что это воспоминания о детских годах, но в основном, это объясняется тяжёлыми условиями жизни после начала войны.

Объявление о начале войны

Объявление по радио 22 июня о начале войны стало поворотным моментом в судьбе многих людей. Часто в воспоминаниях особо отмечается хорошая погода, весёлое настроение которое было у людей до этого известия. Этому «хорошему» противопоставляются чувства людей после объявления о начале войны. Примером этого служит воспоминание ветерана войны В. Кондакова, которое он изложил в стихотворной форме:

...Ведь рядом на столбе висел
Большуший репродуктор.
Чудесный голос песни пел
В то памятное утро.
И день чудесный был тогда,
И люди отдыхали,
И не забудут никогда
Того, что услышали...

Многие, особенно дети недооценивали серьезности положения, например, малолетняя узница концлагеря Тамара Александровна Зайцева, так описывает свои детские впечатления: «Около 10-ти часов утра мы с сестренкой вышли на крыльцо. День был ясный, ярко светило солнышко. Мальчишки из соседнего дома закричали нам, что началась война. Мы не поняли серьезность этого события, оседлали своих «коней» и с криком “Ура!” помчались вскачь». Фактически сначала они восприняли это как игру, приключение.

Более старшее поколение боялось верить в эту новость, об этом свидетельствуют воспоминания Анны Циммерман: «Всё ещё сильна вера в какое-то недоразумение, что всё должно вот-вот выясниться и закончится». Сходные чувства с ней описывает А.Г.Акимов: «Началась война неожиданно, хотя её все и ожидали. Только постепенно наступало понимание, отрезвление».

Начало военной жизни

23 июня в поселке Струги Красные под девизом: «Весь наш народ должен быть сплочен и един как никогда» вышел экстренный выпуск газеты «Колхозная стройка», в котором была опубликована речь В.М. Молотова, заявление местных коллективов о готовности бороться с врагом, указы о мобилизации и введении в Струго-Красненском районе угрожаемого положения. Началась мобилизация в Красную армию военнослужаших запаса, транспорта, лошадей... «Следует отметить большой патриотический подъём в стране среди населения. У военкоматов образовывались очереди добровольцев ... мои сверстники убегали сами», – вспоминает А.Г. Акимов. Это подтверждает и Анна Циммерман: «Струго-Красненский райвоенкомат переполнен: идёт мобилизация военнообязанных. Слезы, прощания, эшелоны новобранцев, редкие бомбежки, но жизнь идёт».

Устанавливается круглосуточное дежурство на всех предприятиях, в учреждениях, колхозах. Во всех домах предписано обеспечить светомаскировку, формируется местная ПВО. Её начальником назначен начальник райисполкома С.С. Кудрявцев, а начальником штаба районный военком Ведерников.

Из лиц, не принадлежащих призыву, формируется 142-й районный истребительный батальон для борьбы с парашютистами и диверсантами врага. Батальон должен был состоять из 117-ти человек, из них 33 постоянно находились в казармах, 84 служили без отрыва от производства и должны были прибыть сразу после оповещения.

В поселке Струги Красные находились курсанты 2-го курса Ленинградского Топографического училища, 30-го июня сюда прибыли курсанты 1-го курса которые проходили практику в городе Невель. Вместе они готовили поселок к обороне, рыли окопы, оборудовали ячейки для огневых средств. В 1-й декаде июля все они были отправлены в Ленинград и досрочно выпущены из училища лейтенантами.

Немецкие бомбардировки

Воспоминания о бомбёжках противоречивы. В одних воспоминаниях: «Стружане ещё и шутили: как-то бомба упала в посёлке, недалеко от вокзала, но в результате взрыва погибла одна ... курица. “Всё мимо!” – говорили тогда в посёлке». Но большинство информантов испытывало страх от вражеских налётов. «В воздухе появились самолеты с крестами, сбросили бомбы и начали обстреливать посёлок из пулемётов». «Каждую ночь регулярно в три часа прилетал самолет, кружил над посёлком, над станцией, обстреливал жилые дома, улицы». «Станцию Струги Красные и железнодорожные пути фашистская авиация бомбила почти каждую ночь в три часа. В этой регулярности было что-то психически изнуряющее, дерзкое, наглое и беспощадное».

«Скопления беженцев и красноармейцев немецкие самолёты расстреливали из пулемётов, не спускаясь слишком низко. Все уходящие составы со станции фашистские летчики бомбили и расстреливали уже с низких высот за станцией. Нередко видел как лётчики гонялись за отдельными людьми, но сделать ничего было нельзя. Ни наших самолётов, ни пулемётов, прикрывавших эшелоны, не было».

«Немцы жестоко бомбили беженцев и военных, расстреливали их из пулеметов, бросали рассверленные куски рельсов, которые производили страшный вой и свист, чем приводили некоторых людей в помешательство. Эшелоны бомбили за станциями». Такая тактика объясняется стремлением нацистов сохранить инфраструктуру железнодорожной станции. Ещё одна причина описана в следующих воспоминаниях. «Недалеко от нашего дома, Вокзальная 10, была установлена счетверённая пулемётная точка для борьбы с самолётами противника. Там находилась группа красноармейцев, и

я там ... присутствовал при отражении налётов на станцию. Вокруг станции было расположено четыре таких точки».

Таким образом, мы видим, что оборона станции была недостаточна, немцы стремились уничтожить как можно больше людей, сохранив материальные ресурсы, особенно инфраструктуру. Ещё одной отличительной чертой стало стремление посеять панику, деморализовать население.

Эвакуация ценностей

Ещё одной отличительной чертой этого времени стала эвакуация населения, материальных ресурсов, документов. Воспоминания рисуют противоречивую картину этого явления. Анна Циммерман пишет: «Чётко было организовано отступление. Позднее, в Ярославле, по окончании войны, мы получили все облигации денежного займа, сданные в сберкассу на хранение до войны». Но большинство информантов отмечают что полностью вывезти всё намеченное не удалось. Часть имущества уничтожалась. «На станции горели склады с продовольствием, магазины, государственные учреждения. Нечем было дышать от гари и дыма. Далеко было видно зарево. Много сгорело домов». «В Стругах Красных запылали пожары; магазины, склады, пекарня оказались брошенными. Запомнилось, как из опрокинутой бочки лилась на дорогу сметана, которую люди собирали руками, кто во что мог». «Чтобы фашистам не досталась никакая живность, коров и свиней угнали. Они бродили по лесам. Мы их потом отлавливали».

В некоторых воспоминаниях отмечаются факты грабежей магазинов. «Один раз я наблюдал грабёж магазина. Всё происходило как в кинофильмах времён гражданской войны». Ещё подобное воспоминание: «Митя Сенюшкин, он в магазине торговал, ночью с магазина всё вывез, всю муку, зерно домой, а потом пришли грабить магазин, а там ничего не осталось, он уже всё увёз».

«Кто-то дал клич – забирать всё из государственных учреждений, иначе достанется фашистам. Кто был “покруче” мигом разграбили магазин. Остатки, типа резиновых галош, карандашей и прочей ерунды выбрасывали в окна на улицу – кому надо забирай».

Парткомовцы уже уехали, оставив учреждения и свои квартиры на произвол судьбы. Полезли и туда разбирать имущество. Мы никуда не ходили и ничего не брали – не приучены были чужое брать. Наш сосед мальчик Витя забрался в квартиру и его внимание привлекла кукла. Он принес её мне, сказав: “Вот я принес тебе куклу. Играй в неё”. Я была счастлива».

Общим моментом в воспоминаниях являются рассказы о пожарах, как от бомбежек, так и устроенных специально, для уничтожения ресурсов. Поведение людей диктовалось не столько жесткими условиями, сколько общим уровнем культуры и воспитания.

Исходя из всего комплекса воспоминаний, можно предполагать, что эвакуация наиболее важных документов учреждений и матери-

альных ценностей прошла успешно. Эвакуировать предприятия и скот полностью не успели и часть предприятий уничтожили.

Эвакуация населения

Люди не могли представить, что эта территория будет оккупирована, поэтому подростка Александра Акимова родители из Ленинграда, опасаясь бомбёжек города отправили в Струги Красные к родственникам. Аналогично поступили и родители Анатолия Петрова, они также отправили его в наш район из Ленинграда. В некоторых случаях приехавшие на лето дети к родственникам не успели вернуться в город. «Решили пробираться домой (в Ленинград). Но поезда уже не ходили».

Местные жители не все успели эвакуироваться. «Подводой мы добрались до станции Струги Красные, но на Ленинград поезда уже не шли. Мы вернулись в деревню».

«Мы с подружкой, комсомолки, бежим в Струги – отступать, ведь враг идёт. Паника, слёзы. Нас не берут в вагоны, поэтому идём в райисполком. Там почти пусто, а кто и есть, им не до нас. Возвращаемся к составу, но нас опять не берут. Очень обидно, а главное – страшно оставаться. Нашли место сесть “зайцами”. Но спасибо одной умной женщине, объяснила: “На нас всех есть списки, получим еду и деньги, а вы в дороге умрёте от голода. Идите домой, родители вам лучше помогут”. Вернулись в деревню, а там ещё хуже, крики и слезы».

Как минимум три человека описывают свой отъезд из посёлка на «последнем эшелоне». Детали этих описаний заставляют сделать вывод что этих эшелонов было как минимум два. Тем не менее они позволяют восстановить картину эвакуации.

«Но вот пришел день отправки последнего эшелона. Этим эшелонам уехала из Струг и я с дочерью. Нас, работником редакции и типографии, оказалось в эшелоне немало. Это машинистка Худярова, ... корректор Гита Блюмкина, наборщицы Никандрова и Холстина, технический секретарь райкома КПСС Вера Васильева и другие».

«Ночью с узелками в руках мы отправились на станцию... На рассвете эшелон тронулся в сторону Луги. В этом же эшелоне ехали и Циммерманы».

Действительно работники редакции и типографии могли уехать только на одном из последних эшелонов, последний номер газеты «Колхозная стройка» №161 (2444) в 1941 г. вышел 10-го июля, а уже утром 11-го июля в посёлок Струги Красные вошли передовые фашистские войска. Время отправления – раннее утро соответствует другому воспоминанию: «Пристанционное радио многократно объявляло, что формируется последний состав. Вот в этот состав на предпоследнюю площадку я и сел. Раннее утро, солнце ещё не всходило, но было светло».

В составе эшелонов преобладали открытые платформы, только для раненых были крытые вагоны. «На путях стояли два состава, из вагонов и открытых площадок. В середине состава были расположены 4 вагона, в которых находились раненые. На крышах вагонов были нарисованы кресты». Подтверждается: «Разместились на открытой платформе, где ехали военные с пушками. С вокзала в вагоны заносили раненых».

«Состав стал уходить... Народу много, это были женщины ... и дети разного возраста, но большей частью грудные и маленькие». «Мы медленно, но выезжали со станции. Медленно потому, что железнодорожные рабочие очищали путь от разбитых вагонов, так как ушедший ранее нас состав, был разбит».

Состав подвергся авианалёту. «Появился “Юнкерс”, я уже в них разбирался. Поезд остановился. Паровоз стал как бы жалобно кричать, подавая сигналы... Самолёт прошёлся над составом дважды, видимо, расстреляв свой боезапас».

Реакция людей была различной: «Народ с площадок стал прыгать и разбегаться в разные стороны». «Ехала с нами женщина с четырьмя детьми, в дороге во время бомбёжек она шептала перепуганным ребятишкам: “Откройте рот, закройте уши”, чтобы дети не оглохли от близких взрывов». «Я считал себя уже взрослым и никуда не побежал, а прижался к борту платформы, укрывшись каким-то одеялом. Щёпа от пулеметных очередей больно била меня через одеяло».

Финал этой атаки был вполне предсказуем. «После того как самолёт улетел, стали собирать раненых и грузить на платформы, а мёртвых складывать на обочине железнодорожного полотна. Из вагонов, где были раненые, раздавались страшные, нечеловеческие крики. Народу на площадках значительно поубавилось».

Но и уехав из Струг люди не убежали от войны. В стихотворении В. Кондакова есть такие строчки:

... В цирюльню заглянешь
Коль время придёт,
Там Хона Наумыч,
Он вас пострижёт...

Ещё о нем же: «В Луге во время бомбёжки отвалился угол от здания вокзала, и под ним погибло немало людей, в том числе и наш стружанин: парикмахер Хона с сыном».

В Луге был контужен и Александр Акимов, отправленный родителями от войны в Струги и пробиравшийся назад. «На ст. Луга наблюдался уже более или менее порядок, она была забита беженцами и военными, ждавшими своей очереди для отправки. Я расположился в пристанционном сквере, обосновался у мешков. Как потом выяснилось, это были деньги, кто-то вёз их, но не довёз, скорее всего, погиб. Особенно много серебряных монет, были упаковки мягких денег... Фашистские самолёты с большой высоты стали бомбить пристанционный сквер. Я был в укрытии из денежных мешков. Бомба упала с другой стороны, рядом был убит человек. Я был

контужен. Его кровью я был залит. Очнулся я в куче людей, приготовленных к отправке для захоронения. Я услышал голос, который сказал: «Он, кажется, шевелится». Меня облили водой, я встал, и пошел прочь от трупов. Мне удалось незаметно забраться на буфер отходящего состава. Красноармейцы заметили меня и втащили в вагон, я выглядел плохо — они за мной ухаживали и кормили».

Эвакуация населения, кроме чиновников и партийных работников запланирована не была, и ей, никто не занимался, потому что всех эвакуировать было нереально.

Отступающие войска

Есть в воспоминаниях и описания наших солдат. «Были также и тревожные слухи, и тянулись огромные колонны уставших красноармейцев, отходивших на новые рубежи обороны. На вопросы, что происходит, они отмалчивались, не отвечали, видимо, было запрещено».

«Наши шли грязные, практически без оружия – одна винтовка на четверых. На раненых было страшно смотреть. Они заходили к нам, мама их перевязывала».

«Прошла пешая колонна наших войск. Все в летнем обмундировании, в пилоточках с трехлинейками через плечо. Сказали что у бойцов пока нет патронов, но должны привезти. Потом приехало несколько подвод с ящиками, в них должны были быть патроны. Когда ящики открыли в них оказались гвозди, кто-то перепутал, солдаты перед началом боевых действий оказались безоружны».

Литература и источники

Акимов А.Г. Начало войны: происходило что-то непонятное//Моя блокада(документальные очерки). - М.: Издательство ИКАР,2009.С.187-193.

Алексеев М.И.Воспоминания, //«Струги»28.07.1993.

Ананьева(Ковалевская)Е.В.Нашествие на жизнь //За блокадным кольцом: Воспоминания /Автор-составитель И.А.Иванова.- СПб.: ИПК «Вести»,2007.С. 19-22.

Васильева М.Н.Всегда хотелось домой, //« Плюский край»27.12.1991.

Вилемсон Е.Моя жизнь на войне, // « Струги»15.04.1995.

Горелова Т.Мы жили по соседству, ст.Владимирский Лагерь // «За коммунизм» 27.04.1982.

Грачев В.И.Каникулы обернулись концлагерем//Книга Памяти: Ленинградская область.Т.41.-СПБ.: ИПК «Вести»,2006.С.45-46.

7. Иванова В.Н. Детство без детства(воспоминания) // «Наш край» литературно-краеведческий альманах №5

- Константинова В. Лето сорок первого, // «Струги» 20.06.2007
- Ксенофонтов В.В. Две недели с начала войны // www.world-war.ru
- Миронова Н. Не забывается такое никогда, д. Лудони // «Струги» 01.02.1995.
- Михайлов А. Детство, опаленное войной, // «Струги» 1995 .
- Николаев В.М. Воспоминания // «Наш край» литературно-краеведческий альманах №7.
- Тимофеева А. Близ деревни Яблонец, д. Марьино. // «За коммунизм» 21.03.1991.
- Федотова Е. Воспоминания, // «Струги» 20.06.2009
- Филинова Н.В. Воспоминания учителя-ветерана, малолетней узницы концлагеря Тамары Александровны Зайцевой // «Наш край» литературно-краеведческий альманах», №9.
- Циммерман А. Комсомольская юность, «За коммунизм» 08.05.1975.
- Циммерман А. Не забудутся те памятные дни, г. Череповец. «За коммунизм» 23.02.1982.
- Федоров В.С. История деревни Посадница // «Наш край» литературно-краеведческий альманах», №6
- Федоров А.И. Книга Памяти погибших на территории Плюсского и Струго – Красненского районов Псковской области. Т.1.

Наши земляки – герои незримого фронта

Шёл 1943 год – третий год Великой Отечественной войны. Наша армия готовилась нанести очередной удар немецко-фашистским захватчикам под Ленинградом.

Задолго до начала главных фронтовых событий в Струго-красненский район пришла 2-я Ленинградская партизанская бригада (ЛПБ) имени Героя Советского Союза Н.Г. Васильева, под командованием Н.И. Синельникова с комиссаром В.И. Ефремовым.

Выдержав в июне 1943 года кровопролитные и упорные бои с фашистскими войсками у деревни Рошелёво, а после у деревень Зовка и Узьмино, бригада в конце лета образовала новый партизанский край в деревнях Сиковицкого и Домкинского сельсоветов, а также на прилегающей территории Полновского района. Большую и плодотворную работу с населением партизанского края проводили оргтройки, возглавляемые в Струго-красненском районе Т.И. Егоровым и в Полновском – Е.М. Петровой.

Военные специалисты говорят, что на войне успех каждого боя обеспечивает разведка. Это правильно. И, учитывая такое значение разведки, трудно переоценить огромные результаты, которых достигли перед решающими боями на нашей земле разведчики-партизаны. В течение многих месяцев штаб фронта ежедневно получал от партизанских разведчиков важные сведения о расположении вражеских частей, их передвижении, о вооружении врага, строительстве укреплений. Достаточно напомнить, что «линия “Пантера”», которую гитлеровцы возвели у Пскова и называли неприступной, партизанами была нанесена на военные карты. Не было у фашистов секретов от партизанских разведчиков и в Стругах. Примером особой партизанской доблести было похищение из Стругокрасненского гарнизона зондерфюрера оберлейтенанта, который был доставлен в 6-ю ЛПБ, а после в Ленинград. Комендант Стругокрасненской водокачки Ринер тоже давал свои показания начальнику разведки 2-й ЛПБ В.В. Смирнову в деревне Давыдово.

Кто же работал в партизанской разведке? Кто пробирался в фашистские гарнизоны и зорким глазом советского патриота проникал в тайны врага? Конечно, это были преданные Родине,

отважные советские люди. А среди многих смело действовали и наши земляки. Они по зову своего сердца вступали в ряды народных мстителей, становились разведчиками, шли на смертельный риск ради победы над врагом. Многие из них погибли, многие долго оставались неизвестными...

* * *

Василий Васильевич Смирнов родился в 1898 г. в д. Фекино Пустошкинского района Псковской области. В молодости рабо-

В.В. Смирнов

тал на Путиловском заводе, крас-
ногвардеец, участник Гражданской
войны. Ленинградский инженер
Смирнов с первых дней Великой
Отечественной войны участвовал
в партизанском движении на Псков-
щине. В период с 18 июля по 1 ок-
тября 1941 г. являлся комиссаром
5-го истребительного батальона, ко-
торый действовал в тылу противни-
ка в полосе Калининского фронта.
Воениженер 3-го ранга Смирнов
лично руководил рядом диверсий
и вооружёнными налётами на не-
мецкие гарнизоны. С ноября 1941
по октябрь 1942 г. работал в долж-

ности помощника начальника 2-го отделения разведывательного
отдела штаба Северо-Западного фронта. За это время организо-
вал и подготовил восемь разведывательно-диверсионных групп,
шесть групп лично переправил в тыл врага. Во время одной из
таких забросок в течение месяца находился в Партизанском крае,
где оказывал помощь в организации разведывательной деятель-
ности. Выходя из немецкого тыла вывел 18 раненых партизан.

С 20 декабря 1942 г. воениженер 2-го ранга Смирнов яв-
лялся заместителем командира 2-й ЛПБ по разведке. Прошёл с
бригадой весь боевой путь от Дедовичей до Струг Красных. С
декабря 1942 по октябрь 1943 г. бригада, благодаря правильно
поставленной Смирновым разведке, не имела ни одного случая
внезапных налётов со стороны противника. Бригадой с 1 мая по
1 октября 1943 г. разбито 6 гарнизонов и 3 волостных правле-
ния, при этом уничтожено 1739 солдат и офицеров противника,
24 немецких солдата взяты в плен с незначительными потеря-
ми личного состава бригады. Смирнов через все виды разведки
предоставлял ценные данные для командования Ленинградско-
го фронта по перегруппировкам и концентрации войск против-
ника. Начиная с июля 1943 г. им ежедневно предоставлялись
результаты разведки относительно переброски войск по желез-
ным и шоссейным дорогам.

*Соратники по партизанской борьбе:
В.П. Обьедков, В.Ф. Михайлов, В.В. Смирнов. 1944 г.*

В январе 1943 г. под руководством Смирнова был разложен батальон РОА численностью до 700 человек, часть солдат перешли на сторону партизан, часть ушла в лес.

Начиная с сентября 1943 г. Смирнов лично из молодёжи Стругокрасненского района сформировал по сути серьёзную подпольную организацию, которая успешно действовала в тылу врага. Только в октябре 1943 г. благодаря действиям подпольщиков было уничтожено 3 моста, взорвано 64 рельсы, 3 трактора, сожжено 35 тонн сена, расстреляны 5 предателей и передано в бригаду пополнение из местного населения более 200 человек.

За свою боевую деятельность майор Василий Васильевич Смирнов награждён приказом войскам Северо-Западного фронта №0109 от 22 февраля 1943 г. медалью «За боевые заслуги», приказом войскам Северо-Западного фронта №0925 от 15 ноября 1943 г. орденом Красного Знамени, кроме этого медалями «Партизану Отечественной войны» и «За оборону Ленинграда».

Источники:

- ГАНИПО Ф.9821. Оп.1. Д.36. Л.1
- ЦАМО Ф.33. Оп.682526. Ед.хр.341. С.3, 63, 64.
- ЦАМО Ф.33. Оп.686044. Ед.хр.537. С.2, 6, 7.

Предлагаю вниманию читателей несколько очерков-воспоминаний Василия Васильевича Смирнова, которые были опубликованы на страницах газеты «За коммунизм» в 1970–1971 гг.

Смирнов Василий Васильевич

До последней минуты

В июле 1943 года она пришла в партизанскую бригаду, чтобы стать в ряды народных мстителей. О ней сохранилась короткая запись в документах штаба.

Е.А. Григорьева

«Григорьева Екатерина Анисимовна родилась в ноябре 1922 года в деревне Сазоново Стругокрасненского района. Окончила педагогическое училище и работала в Узьминской школе».

А когда в штабе бригады стали думать, где лучше применить силы и способности молодой учительницы, она попросилась в разведку. В штабе она и была записана под псевдонимом «Егорова». А пароль для встречи она придумала сама и выразила в таинственных словах: «разность до пятнадцати».

Спокойная и невозмутимая, она смело шла навстречу опасности и не знала страха. Трудная и полная неожиданностей работа разведчика ей была по характеру, и не случайно она взялась за это очень важное и не менее рискованное дело.

И ей сопутствовала удача. Десятки раз она ходила в Струги, Новоселье, Владимирский Лагерь, носила листовки, обращения к немецким солдатам и письма, а в бригаду доставляла ценную информацию о расположении фашистских частей и намерениях гитлеровцев. Не раз она приводила с собой к партизанам распропагандированных ею полицейских и других прислужников оккупантов. Нужно было обладать большим мужеством и особой проницательностью, чтобы безошибочно найти в стане врага нужных людей и не нарваться на провокатора, шпиона или просто труса. Однажды она привела в штаб полицейского со списком на 83 служащих комендатуры и с приказом по полицейскому управлению Новосельского района. Не всегда и не каждому разведчику выпадала такая удача.

Григорьева хорошо знала дороги и лесные тропы в родных местах. Много раз она провожала партизанских диверсантов к железной дороге, к мостам на шоссе и в гарнизоны врага. Трудные и особо сложные задания Григорьева выполняла всегда отлично.

И вот однажды – это было в январе 1944 года – из штаба фронта поступило важное ответственное задание. В короткий срок требова-

лось узнать о частях противника, расположенных в Стругах. 16 января 1944 года из деревни Река Григорьева с подругой-напарницей вышла по маршруту.

Ушла партизанка – и не вернулась... Через несколько дней стало известно, что Е.А. Григорьева арестована фашистами в Стругах и расстреляна.

Только полгода была в партизанах учительница Григорьева, но в войне с фашистскими захватчиками она отдала всю свою жизнь до последней минуты, всю свою кровь до последней капли. Она погибла как благородный воин незримого фронта.

После освобождения посёлка, в феврале 1944 года, старушка-мать – Анна Фёдоровна Григорьева в одной из незакрытых могил людей, расстрелянных фашистами, нашла свою дочь, мужественного патриота Советской Родины.

// За коммунизм. – 1970. – 17 октября.

Два задания партизану

Среди записок военного времени сохранилась копия одной радиограммы. В сообщении штабу партизанского движения говорилось:

И.А. Зайцев

«...13 февраля из посёлка Струги привезена врач Иванова Зинаида Демидовна с медикаментами. 15 февраля группа партизан послана в Струги с новым заданием...»

Телеграмма короткая, но напоминает многое. За скупыми словами сообщения в штаб большое мужество советских людей. Об этой радиограмме хочется сказать подробнее ещё и потому, что главный герой событий, о которых говорится в сообщении, Иван Андреевич Зайцев, бывший колхозник из деревни Выборово, и сейчас здравствует и скромно живёт в Стругах на улице Комиссаровской, дом 6.

Тревожное было время.

Осенью 1943 года в Стругах оставалось жителей менее тысячи человек. Молодёжь уходила в партизаны. Используя каждый удобный случай, все, кто мог, подавались в деревни, в леса, подальше от станции, от гарнизона всё более свирепеющих фашистов. Оставшиеся в посёлке жители получали от партизан листовки и письма с приглашениями выходить в партизанский край.

В это время врач районной больницы З.Д. Иванова и сообщила в бригаду о своём желании уйти к партизанам и просила помощи, по-

скольку с нею находилась престарелая мать. Конечно, такую просьбу женщины, да ещё врача, нельзя было оставить без внимания. И вот И.А. Зайцеву поручили поехать на подводах в Струги Красные и привезти в Сиковицы врача Иванову с матерью, да заодно и с имуществом больницы.

Почему такое задание дали Зайцеву?

Да, пожалуй, потому, что вид у Ивана Андреевича такой безобидный, на партизана не похож, к тому же левая рука повреждена – инвалид, а не солдат.

И он привёз.

Работница совхоза «Авангард» М.Г. Спиридонова вспоминает этот день в больнице:

– Я вместе с другими ждала очереди на приём к врачу Ивановой. И вдруг в кабинет врача без всякой очереди прошёл Зайцев... И тут же он стал выносить на улицу узлы с имуществом больницы. А потом врач Иванова села к нему на подводу, и они уехали... А мы сидим ждём и ничего не понимаем. А во дворе больницы и кругом в посёлке немцы.

Сам Иван Андреевич рассказывал о выполнении этого задания так:

– Получил я задание вывезти в партизанский край врача Иванову. Приехал в Струги, когда оккупанты начали эвакуацию: снимали со столбов провода и изоляторы, увозили имущество своих канцелярий. Немцы видели, как я грузил на подводу узлы с бельём, пакеты с медикаментами и инструментами.

Увидев немцев, я им козырнул. Они сочли меня за своего подводчика. На моё приветствие унтер ответил: «Гут, гут, шнель». «Мол – хорошо, хорошо, скорее». Ну, я и поторопился, не мешкал. На двух подводах днём и привёз к партизанам врача районной больницы З.Д. Иванову с матерью и братом Виктором, медсестру, медикаменты и кое-какое имущество больницы.

Только и можно сказать: правильно действовал партизан Зайцев. Выдержка и смекалка обеспечили успех этого задания. Наверняка ночью, даже с боем и большому отряду это задание было бы непосильно. А Зайцев без боя, зато и без потерь выполнил важное задание.

Врач Иванова лечила раненых партизан, помогала населению партизанского края, а после войны работала в Псковской областной больнице. Сейчас Зинаида Демидовна живёт в Москве.

Ивана Андреевича Зайцева касается и вторая часть радиограммы штабу партизанского движения.

Отличившись при спасении врача Ивановой. Зайцев показал свои способности, ему и поручили ещё более сложное задание, требующее и выдержки, и дерзкой смелости, и хладнокровной находчивости.

На полигоне, в деревянном двухэтажном доме, обнесённом колючей проволокой и охраняемом двенадцатью часовыми со сворой собак, жил военный комендант гарнизона майор Бутхоф. А вокруг

на усадьбе полигона постоянно находилось 500-700 солдат и офицеров. Зайцева направили старшим в группе партизан и поручили пробраться в логово коменданта и уничтожить майора. Этот нацист заслуживал партизанской кары.

Группа Зайцева пробралась на усадьбу коменданта. Партизаны установили, что майор каждый день аккуратно в 16 часов ездит обедать в ресторан.

И вот настал день расплаты. В 16 часов, как обычно, автомашина выехала на дорогу и на повороте попала под пули партизанской засады.

Группа Зайцева вернулась в отряд без потерь. Задание было выполнено, хотя после и выяснилось, что на партизанскую засаду попал не сам комендант, а его помощник. Но этот нацист тоже заслужил казни.

Выполняли Иван Андреевич и другие задания по связи и разведке в тылу врага, но об этих двух наиболее важных и рискованных заданиях напомнила короткая радиограмма.

// За коммунизм. – 1970. – 31 октября.

Девушка из деревни Яблонец

Летом 1943 года, в начале третьего года фашистской оккупации Псковщины, всё яснее обозначался перелом в ходе войны. Подъём партизанского движения, начавшийся с весны и выражавший истинные намерения и боевые настроения молодёжи, к осени превратился во всенародное восстание против захватчиков почти во всех районах Ленинградской области.

Т.А. Ершова

С каждым днём всё яснее становилось, что развязка близка, что время последних расчётов с захватчиками подходит. Молодёжь, натерпевшись лиха при фашистском «новом порядке», искала встречи с партизанами, а партизанские разведчики искали сильных и смелых среди молодёжи в Стругах.

За короткий срок «глаза и уши» партизанской разведки появились во всех учреждениях Стругокрасненского гарнизона – в ЕКа, фельдкомендатуре, в районной управе и в других организациях оккупантов. Одной из первых, ещё в июне, к нам пришла комсомолка Тамара Алексеевна Ершова.

Уроженка деревни Яблонец, Тамара Ершова в годы войны жила в посёлке Струги Красные (улица Советская, 83). В 1943 году ей шёл 17-й год. И, конечно, её думы и чаяния совпадали и выражали настроения большинства поселковой молодёжи.

Первая встреча с ней состоялась на опушке леса у деревни Ждани Сквородкинского сельсовета. Выяснили, что Ершова окончила курсы землеустроителей и уже работает. При взгляде на неё мне стало тревожно от думы о том, что эта девочка, почти ребёнок, должна испытать тяготы и ужасы страшной войны.

А может отослать её домой?

Но разве мы в силах направить ужасы войны мимо молодёжи, разве можно уберечь эту светлую юность от тяжких невзгод навязанной нам битвы за свободу Родины, за счастье грядущих поколений. А она, заметив мою тревогу, подала сложенный вчетверо лист из тетради. И я тут же прочёл её обещание-клятву выполнять задания штаба партизанской бригады. В конце странички было написано: «все свои донесения буду подписывать “Захаров”».

И насчёт этого псевдонима у неё были какие-то свои и, кажется, веские причины. Землемер районной сельскохозяйственной комендатуры имеет постоянный пропуск для свободного передвижения по району, а это было очень важно для связи. Я дал ей задание, и она ушла. Откровенно говоря, на серьёзный успех я не надеялся. Молоденькая девушка, небольшого росточка, она выглядела совсем ребёнком, и ждать от неё чего-то серьёзного в таком деле, как война, было даже наивно.

Вторая встреча с Ершовой состоялась через некоторое время в деревне Кириково Яблонецкого сельсовета. Ко мне подошла нарядно одетая, какая-то воздушная, в белоснежной кофточке девушка. В моей памяти она навсегда и осталась такой – сверкающей и будто невесомой. В её глазах было что-то торжественное.

– Я комсомолка и буду мстить врагам до полной победы, – сказала Тамара.

В годы войны молодёжь быстро выросла. В словах Ершовой я услышал и ненависть к врагу, и решимость зрелого бойца.

С этого дня Тамара Ершова стала носить письма с поручениями в фашистские гарнизоны. В штаб бригады она приносила сведения о противнике, приводила связных на явки и молодёжь из посёлка в партизаны.

С именем Тамары Ершовой связаны важные события в боевой истории 2-й Ленинградской партизанской бригады.

В сентябре 1943 года по указанию Ершовой партизаны сожгли много фуража, сельскохозяйственных машин, трактор и разное хозяйственное имущество, подготовленное для отправки в Германию из деревни Бровск. Тамара привела в бригаду полицейского Агапова, волостного старшину из Посадницы Медведева, кладовщика хозкомендатуры Солпяковского, солдата-поляка Серватко. Все эти перебежчики дали штабу важные сведения.

В октябре Тамара освободила из-под ареста и привела в бригаду ранее захваченных гитлеровцами радистку Аксёнову и медработницу партизанского отряда Мосину. Именно Ершова выполня-

ла задания по связи с должностными лицами гарнизона в Стругах, с начальником гражданской комендатуры Быковым, переводчиком в отделении гестапо и другими. От Быкова она принесла карту обороны посёлка и схему расположения частей гарнизона в Стругах, список служащих комендатуры – главных холуёв со всей продажной челядью и другие важные документы.

Смекалка и выдержка Ершовой были замечены и связными, и всеми, к кому она приходила. Тот же Быков прислал в штаб записку: «Если будете посылать ко мне своих людей, то посылайте Тамару Ершову».

Это доверие было заслуженным авторитетом серьёзного партизанского разведчика.

В своих походах Тамара была неутомимой. Однажды уже в ноябре она пришла в бригаду с обмороженными и потёртыми ногами. И, пытаясь скрыть свои травмы, сразу же попросилась в новое задание. Но её направили к врачу. После спросили: «Почему ты с обмороженными ногами хотела опять идти в Струги?». И Тамара ответила:

– Когда мои родители ушли к партизанам, фашисты сожгли наш дом в посёлке. А под снегом и сейчас лежит горячий пепел, который согревает и придаёт мне новые силы в борьбе с подлыми грабителями.

В этих словах и была вся Тамара Ершова, со своей ненавистью к врагам и решимостью бороться до конца.

В декабре с партизаном-напарником Александром Ильиным Тамара пошла в Струги Красные. 18 декабря она должна была вернуться из посёлка, но ... не вернулась.

После мы узнали, что Тамара полностью и правильно выполнила своё последнее задание. Уходя из Струг, она зашла к своим знакомым Николаевым на Болотной улице. Здесь вместе с хозяевами дома – семьёй Николаевых – она и была схвачена гестаповцами.

Через несколько дней жители посёлка видели, как под конвоем жандармов мать и дочь Николаевы шли, поддерживая под руки Тамару Ершову. Николай Николаев шёл рядом, опираясь на плечо Александра Ильина. Их поставили у ямы и расстреляли. Тамару Ершову расстреливали последней. Даже здесь, а краю могилы, фашисты надеялись запугать партизанку, сломить её волю, добиться признания.

Но Тамара не просила пощады. В последние секунды она крикнула: «Комсомол будет жить!», и треск автоматов заглушил её слова.

Короткой была жизнь комсомолки Тамары Алексеевны Ершовой, но она до последнего удара сердца отдана своей Родине, своему народу.

// За коммунизм. – 1970. – 8 декабря.

«Ляля Чёрная»

Своё вторжение в Струги Красные фашисты отметили кровавой расправой над жителями посёлка. И теперь ещё для многих памятен

Н.Н. Бардина

жуткий июльский день, когда по доносу предателя в толпе скованных ужасом женщин и стариков жандармы хватали земляков и уводили на расстрел. В расправе тогда погибли учитель Ямщиков, рабочий Кривошеин, Дроздов, Лебедев и другие.

И после ещё много раз гитлеровцы учиняли в Стругах погромы, публичные экзекуции и расстрелы. Не выдержав пыток, в тюрьме покончил с собой Григорий Кондратьевич Прокофьев. А его жену Екатерину Фёдоровну фашисты тогда же расстреляли. Расстреляна семья Андреевых из деревни Зачеренье – отец, мать и дочь; Иван

Фёдорович Фролов расстрелян вместе с женой. Подпольщицу Зинаиду Мартемьянову из деревни Березица жандармы 5 суток пытали на допросах. 2 августа 1941 года в посёлке был схвачен Николай Михайлович Бардин, работник дорожного управления, коммунист, боец истребительного батальона. Его зверски избивали, требуя сведений о подпольной партийной организации. Фашисты арестовали и его жену Анисью Васильевну, инвалида, участника гражданской войны, и тоже избивали. После им дали в руки лопаты и приказали рыть яму. Здесь, у могилы, на глазах у жены, Бардина расстреляли. Через несколько дней, после жестоких избиений, измученную и поседевшую Анисью Васильевну отпустили домой.

Об этих обычных для фашистов зверствах, возможно, не стоило и упоминать. Но разве мы имеем право забыть чудовищные злодеяния фашистов, свершённые ими на нашей земле?

Не забыла издевательств над родителями и страшной смерти отца и комсомолка Нина Николаевна Бардина. Не забыла и не простила.

В 1941 году ей было 18 лет. Она только что окончила среднюю школу и вот на пороге в жизнь ей довелось испытать преступные злодеяния фашизма. Желание отомстить врагам было острым и жгучим. Но как это сделать, она не знала. В 1942 году Нина была вынуждена пойти работать и некоторое время была уборщицей в здании полевой комендатуры. Позже она занимается статистикой в управлении труда, где ей иногда приходилось быть и переводчиком. Так продолжалось до июня 1943 года.

С приходом в район 2-й Ленинградской партизанской бригады всколыхнулась молодёжь посёлка. Заветная мечта Нины о мести захватчикам становилась исполнимой и близкой. Вместе со своими лучшими подружками при первом же удобном случае Нина прислала в бригаду письмо с сообщением о своём желании выполнять партизанские задания. В документах бригады Нина Бардина была зашифрована как «Ляля Чёрная».

И начались напряжённые дни мужественной мести подлым наёмникам за кровь отца, за украденную молодость, за страдания советского народа.

Много ценных сведений из Струг приносили связные в письмах за подписью «Ляля Чёрная». Важной особенностью в её работе было то, что ей доверяли переводить донесения старост и других фашистских лакеев. Все донесения предателей шли через неё и становились известными штабу партизанской бригады.

Был такой случай. Однажды советский самолёт У-2, доставивший груз партизанам, при посадке в расположении бригады недалеко от деревни Домкино потерпел аварию. Староста, узнав о самолёте и желая выслужиться перед оккупантами, в письме сообщил коменданту место, где находился самолёт. Мало того, предатель обращался с просьбой: прислать 50 солдат, чтобы захватить самолёт. Но предатель просчитался, да и сам попался. Переводчица Бардина не перевела это место письма, и комендант не узнал о самолёте. А через сутки партизаны отремонтировали самолёт и на нём в советский тыл были отправлены раненные.

Через «Лялю Чёрную» штаб бригады получал паспорта и пропуска для связных. Мужественная патриотка сняла копии с нескольких секретных документов.

В августе 1943 года переводчица комендатуры попала под подозрение. Бардину арестовали и отправили в Псков для специальной проверки. Она прошла эту фашистскую проверку в комнате пыток. Её вернули в Струги и оставили на прежней должности. Конечно, это была хитрая уловка гестаповцев, рассчитанная на простаков, с тем, чтобы получить улики против Бардиной или выяснить связи. Рисковать было опасно. Через некоторое время Бардина была вывезена в расположение партизанской бригады и много раз участвовала в диверсиях и походах.

После войны Нина Бардина работала в Псковском горкоме комсомола, а теперь живёт в Стругах. Нина Николаевна вышла замуж, теперь её фамилия Степанова, у неё хорошая семья, и она успешно трудится на благо советской Отчизны. При встрече с друзьями она вспоминает о делах участника незримого фронта «Ляли Чёрной», о напряжённых боях с врагами. Комсомолке сороковых годов есть, что вспомнить!

// За коммунизм. — 1970. — 19 декабря.

Юные патриоты

Советский народ не склонил своей головы перед фашистскими захватчиками и всю свою богатырскую мощь обрушил на врага.

О.И. Мельберт

Удары по фашистским полчищам нарастали, становились всё более сокрушительными и беспощадными. Это было справедливым и закономерным развитием войны с захватчиками за свободу и независимость нашей социалистической Родины.

В первых рядах защитников священной земли были коммунисты и наша молодёжь – комсомольцы и комсомолки, все сильные духом молодые патриоты Родины.

Тяжёлые испытания выпали на долю молодёжи оккупированной Псковщины.

В ту мрачную пору смертельная опасность нависла над каждым парнем и девушкой. Можно было погибнуть в тюрьме или на виселице, и немало наших земляков безвестно сгнили на каторге, на военных заводах фашистской Германии.

Массовым и смелым подвигом молодёжи района было добровольное вступление в партизанские отряды. И ещё большим подвигом для многих было вступление в партизанскую разведку, участие в борьбе с врагами в рядах бойцов незримого фронта, где вместо автомата и гранаты оружием были выдержка, самообладание и смекалка, скреплённые ненавистью к фашизму.

Комсомолке Ольге Ивановне Мельберт в год начала войны исполнилось 18 лет. Она окончила 7 классов Щирской школы и под фашистским ярмом вместе со своими подругами продолжала школу ненависти к захватчикам. Юность оборвалась внезапно, грубо и обидно. В прошлое, и, казалось, безвозвратно улетели и школьные радости, и песни у пионерских костров, и душевные беседы учителя Лебедева, и мечты о счастье. Чужие солдаты грохотали тяжёлыми сапогами на дорогах, и каждый день был заполнен тревожной тоской...

После многих и долгих раздумий Ольга поступила в управление Яблонецкой волости – секретарём. Это было нужно. В это же время началась у неё вторая – настоящая – жизнь. Её мать Мария Емельяновна вспоминает:

– Ольга стала серьёзной и скрытной. Куда-то часть и надолго исчезала...

– А вокруг в деревнях стали происходить таинственные происшествия. На горе у деревни Щир ночью сгорел маяк. На шоссейных дорогах кто-то разбирает мосты. В деревне стали говорить, что Оленька замешана в этих происшествиях...

– На новый год Ольга пришла домой поздно со своей подругой Раей Никитиной. На вопрос, где ты была, она ответила: «Это секрет. Скоро о наших делах заговорят».

В борьбе с захватчиками в те времена находила смысл жизни наша молодёжь. Среди непокорённых была и Ольга Мельберт.

В августе 1943 года, встречая партизан, Ольга просила оружие. Она хотела стать партизаном. Оружия ей не дали. А поручения по связи, передаче листовок и разведке она выполняла охотно и с инициативой. А после в штабных документах 2-й партизанской бригады стали появляться донесения за подписью «Шубина». Для связных был у «Шубиной» пароль «Гдов» и отзыв «Граната».

Ольга Мельберт выполняла очень важные поручения и в основном в Стругах Красных.

И вот подошла пора окончательных расчётов с фашистами на стругокрасненской земле. Начавшееся в январе 1944 года наступление советских войск успешно продолжалось. С каждым днём всё ближе накатывалась волна наступления Красной Армии. Вторая партизанская бригада приготовилась к удару с тыла, перед фронтом наступающих войск. Ответственное, чрезвычайно важное поручение получила Ольга Мельберт, а вместе с ней Алексей Павлов из деревни Рагозино и Горохов из Орловой Горы.

В студёный февральский день по заснеженной лесной дороге от деревни Нишева к деревне Сквородка на лошади, запряжённой в крестьянские сани, ехали два парня и девушка. И совсем неожиданно на дороге у озера встретила их какая-то отступающая карательная команда. Обозлённые неудачами, вконец потерявшие человеческий облик фашисты нашли на ком сорвать свою злобу, схватили безоружных людей и зверски убили.

Их нашли в снегу, раздетых и изуродованных. У Алексея Павлова фашисты отрезали нос и икры ног. В груди у него было две ножевых раны и более пятнадцати пулевых ран в ногах. Мученическую смерть приняла Ольга Мельберт. У неё было раздроблено колено, большая рана в правой стороне груди, оборваны мочки ушей. Гитлеровские мерзавцы мародёрски ограбили замученных – сняли с них одежду, а у Ольги ещё вырвали серьги. Вместе с ними расстрелян и Горохов.

Юные патриоты погибли героями, а фашисты не узнали партизанской тайны. 11 февраля 1944 года Ольгу Мельберт, погибшую партизанку-разведчицу, с воинскими почестями похоронили красноармейцы 168-й дивизии Советской Армии.

Мария Емельяновна Мельберт, мать Ольги, старая колхозница, живёт в Стругах Красных. Она похоронила сына, пришедшего с войны инвалидом. Муж дочери с фронта не вернулся. Тяжёлое личное горе вместе с миллионами советских матерей пережила Мария Емельяновна. Вспоминая свою младшую дочь-партизанку, она говорит:

– Не забывайте мою Оленьку... Их было много, отдавших свои молодые жизни за Родину.

Их, юных патриотов, нельзя забыть. Их подвигами гордятся земляки, и память о них не умрёт в сердцах партизан и подпольщиков, воевавших с фашистами на стругокрасненской земле.

// За коммунизм. – 1971. – 4 февраля.

Вильгельм Кумелан

Вильгельм Иванович Кумелан родился 1 декабря 1898 г. в латышской семье в деревне Кумаланы Капинской волости Двинского уезда Витебской губернии (ныне территория Латвии). Вскоре после рождения Вильгельма семья Кумеланов переехала в деревню Крукшино Яблонецкой волости Лужского уезда. С середины XIX в., а особенно активно в конце XIX – начале XX в., благодаря реформам П.А. Столыпина, на территорию северо-запада России переселялись сначала латыши, а затем эстонцы. Бывшие на своей родине безземельными крестьянами, здесь они получали небольшие наделы земли. Землеустроительные работы для переселенцев в данный регион проводились главным образом по восточной границе Гдовского уезда и по западной границе Лужского уезда, по обе стороны почтовой дороги от станции Белой до Гдова.

В.И. Кумелан

Глава семьи – Иван (Ян) Данилович Кумелан в летние месяцы работал садовником на даче генерала Н.Л. Кладо. Мать – Казимира Казимировна вела крестьянское хозяйство. Детские и юношеские годы Вильгельма Кумелана прошли в д. Крукшино возле Щирского озера.

В сентябре 1918 г. Вильгельм был призван в Красную армию, он становится дружинником 1-го Рабоче-Крестьянского пехотного полка. Принимает участие в боевых действиях в районе Екатеринбурга и Нижнего Тагила. В декабре 1918 г. командование отправляет его на курсы командиров-артиллеристов в Петроград.

С августа 1919 г. Кумелан – слушатель Первых Советских артиллерийских Петроградских курсов, с декабря 1919 г. – начальник связи 2-го дивизиона лёгкой артиллерии 24-й Симбирской стрелковой дивизии, впоследствии – командир батареи. В составе 24-й стрелковой дивизии участвовал в 1920-м г. в Советско-Польской войне и боевых действиях на территории Украины. В октябре 1926 г. назначается командиром артиллерийского дивизиона 24-й стрелковой дивизии.

Чувствуя, как необходимы знания, Вильгельм за счёт коротких часов отдыха самообразовывается и в 1927 г. экстерном сдаёт экзамен за курс неполной средней школы.

В 1928 г он назначен на должность помощника командира стрелкового полка.

Вильгельм Иванович отличался особой кропотливостью и упорством, высокой организованностью. Снова, засевав за книги, он сдаёт экстерном экзамен за курс артиллерийской школы.

В 1930–34 гг. обучался в Артиллерийской академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского в Ленинграде. Затем командовал 19-м артиллерийским полком Московского военного округа.

С января по ноябрь 1937 г. Кумелан под псевдонимом Кольман в должности советника при 9-м корпусе Южного фронта участвует в Гражданской войне в Испании. Известный советский разведчик-диверсант И.Г. Старинов, а в Испании – советник партизанского корпуса, действовавший под псевдонимом Рудольф Вольф, так характеризовал Кольмана: «прекрасный товарищ, спокойный и рассудительный».

За участие в боевых действиях на территории Испании Вильгельм Кумелан в конце 1937 г. награждён орденом Ленина.

С марта 1939 г. комбриг Кумелан – начальник артиллерии 19-й стрелковой дивизии, с августа того же года – начальник артиллерии 30-го стрелкового корпуса.

7 мая 1940 г. указом Президиума Верховного Совета СССР были установлены генеральские воинские звания высшего командного состава Красной армии. Постановлением СНК СССР № 945 от 4 июня 1940 г. В.И. Кумелану было присвоено звание генерал-майора артиллерии, и он занимает должность заместителя начальника артиллерии Артиллерийского управления Московского военного округа по боевой подготовке.

С конца 1940 по 1943 г. Кумелан – начальник артиллерии 15-й армии Дальневосточного фронта. Данное соединение прикрывало дальневосточную границу СССР, но активных боевых действий в тот период не вело.

В.И. Кумелан

В 1943–1944 гг. Кумелан – слушатель Академии Генерального штаба. После окончания курса Академии, с мая 1944 г. – заместитель командующего артиллерией 2-го Украинского фронта. С 22 августа 1944 г. – генерал-лейтенант артиллерии.

С первых дней прибытия на фронт Вильгельм Кумелан энергично принялся за работу по подготовке артиллерийских частей фронта к предстоящим боям, в том числе активно готовил артиллерию 52-й армии к участию в предстоящей Яско-Киши-

нёвской операции. В течение всего периода подготовки и проведения операции находился непосредственно в артиллерийских частях и соединениях армии. Умело использовал свой многолетний опыт, оказывал помощь в организации наступления. Артиллеристы 52-й армии нанесли сокрушительный удар по оборонительным сооружениям противника, разрушили их и, уничтожая живую силу и технику врага, совместно с пехотой и танками выдвинулись вперёд и достигли успехов уже в первые дни боёв.

За проявленную самоотверженность в проведении операции по прорыву укрепленных оборонительных рубежей противника на Ясском направлении, приказом войскам 2-го Украинского фронта № 0169/н от 15 сентября 1944 г. генерал-лейтенант Вильгельм Кумелан награждён орденом Красного Знамени.

В годы Великой Отечественной войны участвовал в Будапештской (октябрь 1944 – февраль 1945) и Венской (март – апрель 1945) наступательных операциях. В марте 1945 г. войска генерал-лейтенанта В.И. Кумелана отличились при прорыве обороны противника в юго-западной Чехословакии и овладении городами Комарно и Нове-Замки.

За умелое руководство боевыми операциями и успехи в боях с немецко-фашистскими захватчиками указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1945 г. Вильгельм Кумелан награждён орденом Суворова II степени.

После капитуляции Германии, генерал-лейтенант артиллерии Кумелан переведён на Дальний Восток и участвует в боевых действиях с вооружёнными силами Японии. За умелое и мужественное руководство боевыми операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях с японцами указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1945 г. Вильгельм Иванович Кумелан награждён орденом Кутузова II степени.

После окончания Второй Мировой войны, Кумелан в 1946–47 г. служил в Москве в должности заместителя по оперативно-тактической подготовке начальника Артиллерийской академии РККА имени Ф.Э. Дзержинского. Являлся одним из первых организаторов учебного процесса подготовки кадров для будущих Ракетных войск стратегического назначения.

С 1947 г. Кумелан – заместитель командующего Дальневосточной армией.

Награждён генерал-лейтенант артиллерии Вильгельм Кумелан двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Суворова II степени и Кутузова II степени, многими медалями.

В семье Вильгельма Ивановича и его супруги Анны Ивановны росли сын Эдуард и две дочери Людмила и Инна.

Скончался Вильгельм Иванович Кумелан на 54-м году жизни 22 июля 1952 г. в Москве. Похоронен на Введенском кладбище столицы.

Известны также некоторые сведения о братьях Вильгельма Кумелана:

Кумелан Бронислав Иванович родился в д. Кумаланы Двинского уезда в 1898 г. В 1929–1937 гг. работал сборщиком котельного цеха Канонерского судоремонтного завода. Проживал в Ленинграде. 4 декабря 1937 г. арестован. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 29 декабря 1937 г. приговорён за шпионаж и причинение ущерба системе транспорта в контрреволюционных целях по статье 58-6-9 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 5 января 1938 г. Впоследствии реабилитирован.

Кумелан Николай Иванович родился в д. Крукшино Яблонцевской волости в 1914 г. Красноармеец Николай Кумелан призван Василеостровским РВК Ленинграда, служил в 125-м гвардейском стрелковом полку 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизии. С 3 ноября 1942 г. находился на излечении в 4364-м полевом подвижном госпитале. Скончался от порока сердца 24 ноября 1942 г. и был похоронен в д. Щечково Полаевского района Ленинградской области. После перезахоронения останки Н.И. Кумелана покоятся в братской могиле в д. Мануйлово Парфинского района Новгородской области.

Братская могила в д. Мануйлово Парфинского района

Источники:

1. ЦАМО Ф.33, оп.686046, ед. хр.155
2. ЦАМО Ф.33, оп.686046, ед. хр.200
3. ЦАМО Ф.33, оп.690306, ед. хр.1815
4. ЦАМО Ф.58, оп.818883, д.84, донес.37607, стр.19
5. ЦАМО Ф.58, оп.А-83627, д.6685, стр. 37, кн.ум.4364 ППГ
6. Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945-1959 гг.): сб. док. / сост.: В.И. Ивкин, Г.А. Сухина. – М.: РОССПЭН, 2010

7. Петров Г.В. Струги-Красные. – Л.: Лениздат, 1988
8. Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод. Документы. Переписка. Мемуары. – М.: Русский путь, 2003
9. Архипов Д.С. Далёкие годы// За коммунизм. – 1967. – № 52
10. Рыбалко М. От солдата до генерала// За коммунизм. – 1986. – 9 октября.
11. <http://rkka.ru/>
12. <http://space-memorial.narod.ru/voen-ruk/kumelan.html>
13. <http://visz.nlr.ru>

В воспоминаниях Ильи Григорьевича Старина и его супруги, описывающих события, происходившие в период Гражданской войны в Испании, отведено место и Вильгельму Кумелану, которого они тогда знали как полковника Кольмана.

А.К. Старина

СОВЕТНИК КОЛЬМАН (Вильгельм Кумелан)

В январе 1937 года небольшой партизанский отряд под командованием капитана Доминго, советником при котором был Илья Григорьевич Старин, прибыл на южный фронт в Хаэн – главный город одноимённой провинции. Почти шестидесятитысячный древний город как бы прилепился к подножию невысокой горы, и, казалось, утопал в зелени, но это впечатление оказалось обманчивым. Оливковые рощи и виноградники лишь окружали город. Окрина города расположена в суровых камнях. Только кое-где в скверах робко зеленела трава да в центре стройными рядами высились вечнозелёные деревья.

После посещения провинциального комитета Испанской компартии капитан Доминго, его советник И.Г. Старин, который тогда назывался Родольф Вольф или просто – Родольфо и я, его переводчица, направились к военному советнику на Южном фронте, полковнику Кольману.

Он жил в особняке, ничем внешне не привлекательном, окружённом высоким каменным забором. Мы позвонили. Дверь вскоре распахнулась, и перед нами появился высокий парень в брюках-клёш и кожаной куртке на молнии.

Мы представились.

– Сейчас доложу, – сказал он на чистом русском языке. Он оказался шифровальщиком полковника Кольмана.

Во внутреннем дворике – скамейки, небольшие пальмы, цветы в горшках. Был здесь и аквариум с разными рыбками.

Вскоре к нам вышел среднего роста человек, крепко сложенный, бритоголовый. Уже по походке чувствовалась выправка кадрового военного.

Мы назвались.

– Коронель Кольман, – представился военный советник, и на его красивом лице с добрыми зеленоватыми глазами заиграла добродушная улыбка. – Очень рад. Как раз вовремя. Раздевайтесь, и прошу к столу. Что-то вы задержались. Мы вас ждали вчера.

– В Альбасете встретил старого знакомого и задержался. И не напрасно: пополнили отряд, – ответил мой начальник.

За обедом завязалась непринуждённая беседа.

Неожиданно зазвонил телефон. Высокий испанец Санчо взял трубку и начал разговор. Он записывал услышанное, повторял по-французски, а другой переводчик пересказывал это Кольману по-русски.

Видно, говоривший по телефону испанский офицер нервничал из-за частых перерывов в разговоре, и Санчо его успокаивал, приговаривая: «Уно моменто!»

– Вот так и работаем, – сказал Кольман, когда закончился телефонный разговор. – Вам хорошо, – добавил он, обращаясь к моему начальнику, – у вас русская переводчица, а мне приходится трудно. Вот представьте себе: разговариваю с командующим фронта. Сам говорю по-русски, а тот слушает и ничего не понимает. Ждет перевода, а мой переводчик переводит на французский. Командующий его почти понимает, а потом Санчо уже переводит на испанский. Командующий отвечает. И всё повторяется в обратном порядке: с испанского на французский и с французского на русский. Получается и долго и не всегда точно.

Тут полковник Кольман сделал паузу, посмотрел на меня и моего начальника и продолжил:

– Я попрошу Родольфо кое-когда выручать меня и для особо важных переговоров отпускать со мной Луизу (так звали меня в Испании), а вам с моими переводчиками даже лучше. Они у меня как гвардия.

– Иногда, конечно, выручим, – ответил мой начальник.

Через несколько дней я встретила с Кольманом на ужине в провинциальном комитете партии. Меня посадили между Родольфо и Кольманом. Развернулась оживлённая беседа, в которой больше всего пришлось говорить мне: переводила испанским товарищам то, что говорили Кольман и Родольфо, а для них то, что им говорили испанские товарищи. При этом живом обмене мнениями и репликами я увидела в полковнике Кольмане политически хорошо подготовленного и знающего военное дело человека. Он быстро и, судя по ответам испанских товарищей, очень удачно отвечал на их вопросы, хорошо знал обстановку на фронте.

Позже мне не раз доводилось ездить с Кольманом в качестве переводчика на наиболее ответственные переговоры.

Однажды мы с Кольманом поехали в штаб, расположенный в Андухаре. Линия фронта в то время проходила всего километрах в 30–35 к западу от Хаэна. Кольман почти каждый день ездил или в штаб фронта или на фронт. Хотя он по специальности был артиллеристом, но на фронте выполнял обязанности общевойскового советника.

– Вот что, Луиза. Переходите ко мне на постоянную работу. Что Вы у Вольфа петардами занимаетесь! У него одни петарды да мины, мне же, как вы уже знаете, приходится работать с разными большими военачальниками. Совсем другой размах. А у Вольфа есть югославы, которые знают и русский и испанский языки. Он с ними и так обойдется, – сказал Кольман и вопросительно смотрел на меня.

– Нет, камрада Кольман, ничего не выйдет. Родольфо не отпустит.

На этом разговоры о моём переводе на постоянную работу к Кольману кончились, но я продолжала работать с Кольманом, выезжая на важные переговоры.

Республиканская армия создавалась на ходу, в боях с врагом. На командные посты часто выдвигались люди, не имевшие нужной военной подготовки, к тому же на фронте были части, находившиеся под влиянием анархистов, которые своим поведением фактически способствовали фашистским мятежникам.

Кольману приходилось работать в этой сложной обстановке. Но его тактичность, спокойствие и мужество обеспечивали успех в работе, укрепляли его авторитет. Полковник Кольман работал очень много: выезды в штабы и на фронт, составление донесений, участие в разработке планов. Он успевал всюду, от большой нагрузки он уставал, но держался всегда бодро, сам отдыхал мало, заботился об отдыхе других. Энергия его была неиссякаема, и всеми его делами двигала любовь к Советской Родине, ненависть к фашизму. Он очень тяжело переживал неудачи на фронтах, особенно, когда что-либо срывалось на Южном фронте.

Даже в сложных ситуациях Кольман не нервничал, а проявлял большой такт и пытался выправить ошибку, избегая обострения отношений. Приходилось полковнику Кольману заниматься и вопросами тыла, обеспечения войск оружием, боеприпасами. Поддерживал он дружбу и с лётчиками и обеспечивал взаимодействие авиации с наземными войсками. Большое внимание Кольман уделял и партизанской борьбе, а также действиям специальных республиканских подразделений в тылу фашистов. В результате получалось взаимодействие партизан и диверсионных групп с действиями войск на фронте.

При своей огромной занятости Кольман находил время для чтения советских газет, радовался успехам нашей Родины, рассказывая о достижениях в нашей стране испанским товарищам.

Не раз мне приходилось выезжать с Кольманом в штаб республиканской 16-й бригады, которая блокировала занятый фашистами монастырь. Чтобы попасть в штаб бригады, надо было проехать

почти километровый участок по открытой местности на удалении от монастыря всего около одного километра. Засевшим в монастыре фашистским мятежникам сверху с горы было прекрасно видно, что происходит на этом участке.

Подъезжая к этому участку, водитель машины Кольмана Эмилио развивал максимальную скорость и, маневрируя, иногда под пулеметным огнём, проскакивал опасный участок. При выезде на закрытый и потому безопасный участок Эмилио сбавлял скорость и вытирал с лица пот. Конечно, Кольман мог реже ездить в этот штаб, но он предпочитал личный контакт телефонным разговорам. К счастью, всё обходилось благополучно.

В быту Кольман был общительным и скромным, говорил он сам мало; был наблюдателен и отличался хорошей памятью.

Прежде чем беседовать с кем-нибудь из командиров или штабных работников испанской армии полковник Кольман тщательно готовился: просматривал свою рабочую карту, делал заметки в полевой книжке, что-то записывал и рассчитывал.

В марте 1937 года, во время наступления фашистов на Пособланко, создалось трудное положение. Кольману стало известно намерение командующего фронтом полковника Перес Саласа о сдаче Пособланко с целью сохранения живой силы и отвода войск на новые, якобы более выгодные рубежи.

Ехать к Перес Саласу со своей «гвардией» Кольман не рискнул. Длительные и нудные переводы раздражали полковника Переса Саласа, и тут никакого успеха нельзя было ожидать.

Кольман попросил Родольфо отпустить меня для поездки в Пособланко.

Когда мы с Кольманом приехали в штаб в Андухаре, нам сказали:

– Нет надобности ехать в Пособланко, Перес Салас уже принял решение отвести войска к востоку от города, и никому его переубедить не удастся.

Но Кольман решил ехать. Ехали ночью. Навстречу нам двигалась огромная лавина беженцев. Шли и ехали на осликах мирные люди, покидавшие свои родные места, спасаясь от фашистских варваров. Беженцы везли свой скарб на животных и на двуколках с огромными колесами, вели коз, коров, на некоторых осликах в корзинах, перекинутых через спину, сидели маленькие дети, а впереди, привязанные на верёвке, покачивались куры. Это была скорбная картина. Нет слов, чтобы описать страдания мирных людей, вызванные наступлением фашистских орд. А тут ещё полил дождь. Темная ночь; только в свете фар нашей машины мы видели всю эту трагическую картину, все эти страдания, которые принес фашизм испанскому народу, такому мирному и трудолюбивому и такому мужественному в борьбе против своих врагов.

Ехали медленно, иногда останавливались. Прибыли в Пособланко уже за полночь. Нашли командующего.

Когда мы вошли, Перес Салас сидел у камина и курил, видимо, сильно нервничал и о чём-то думал, так что не сразу обратил на нас внимание... Увидев нас, он положил сигарету в пепельницу, встал и галантно поздоровался.

Кольман попробовал начать разговор об обстановке на фронте и о боях на подступах к Пособланко.

– Всё уже решено! – резко ответил Перес Салас. – Да, синьор полковник, но может быть, вы побеседуете с пленными, – предложил командующий.

Фашистские солдаты выглядели весьма жалко и недоумённо отвечали на вопросы Кольмана.

Наконец подали кофе, и командующий пригласил нас к камину. Разговорились, но говорили не о военных делах. У нас с Перес Саласом как бы продолжалась однажды начатая беседа о быте и жизни в Советском Союзе, о русских женщинах, об искусстве, литературе и других вопросах.

Разговор постепенно становился всё более оживлённым. Перес Салас иногда улыбался, замкнутость и отчуждённость исчезли.

– Можно и о деле поговорить? – спросил меня Кольман.

– Думаю, что можно, – ответила я.

И мы начали разговор о делах на фронте. Проговорили до рассвета – и не зря. Кольман умело подошел к командующему и уговорил его не сдавать Пособланко.

На рассвете началась сильнейшая бомбёжка города вражеской авиацией. Фашистские стервятники безнаказанно с небольшой высоты сбрасывали бомбы, разрушая опустевший город. Мы находились на командном пункте, но ни одна бомба туда не попала. И во время бомбежки Кольман вел себя спокойно, спокоен был и командующий.

Вскоре после окончания налёта вражеской авиации в город прибыло на машинах подкрепление. Прибыли представители Хаэнского провинциального комитета испанской компартии. Пособланко отстояли.

До самого моего отъезда из Испании я не знала ни настоящей фамилии, ни имени и отчества Кольмана и только, передавая посылку для своей жены, он назвал её фамилию – Кумелан Анна Ивановна.

Во время поездок для переговоров с испанскими командирами Кольман иногда вспоминал о своей семье, о своих двух дочерях, которых он очень любил.

Его жена приезжала ко мне в Москву с младшей дочерью, которой было тогда около 8 лет. Они останавливались у меня, расспрашивали о Вильгельме Ивановиче. Я им рассказывала о его работе, но ничего не говорила о его опасных поездках.

После возвращения из Испании Кольман заходил ко мне. Мы смотрели с ним фильм «Доктор Калюжный».

В последний раз я случайно встретила с ним перед Великой Отечественной войной – в Москве, в Центральном универмаге Во-

енторга. Очень обрадовалась встрече, долго и о многом говорили. Он тогда учился на курсах в военной академии им. М.В. Фрунзе.

С тех пор я с ним не встречалась. Слышала, что во время войны он был на Дальнем Востоке, что ему было присвоено звание генерал-лейтенанта артиллерии.

1965 г.

(Текст печатается по изданию: Борцы Латвии в Испании 1936–1939: Воспоминания и документы. Рига: «Лиесма», 1970. С. 416–421)

Илья Старинов

Тревожные вести с Родины

В двадцатых числах июня я возвратился из Хаэна и зашёл к нашему военному советнику Кольману. Поговорили о том, о сём. Я заметил, что Кольман мнётся, словно хочет и не решается сказать о чём-то потаённом.

– Что случилось? – напрямик спросил я.

– Ты давно не читал газет?

– Где же я мог их читать?

– А радио тоже не слушал?.. И ничего не знаешь?.. – Кольман огляделся, будто опасаясь, что нас подслушивают.

– Одиннадцатого числа состоялся суд над Тухачевским, Уборевичем, Корком, Якиром... Они вели вредительскую работу, пытались подготовить наше поражение в будущей войне. Хотели восстановить власть помещиков и капиталистов.

– Что?!

Кольман подал ещё одну газету за 13 июня:

– Вот здесь...

Строчки прыгали у меня перед глазами:

"... Двенадцатого июня сего года суд приговорил подлых предателей и изменников к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведён в исполнение". Как наяву, я увидел перед собой лицо Якира:

– Вам поручается важнейшее партийное дело, товарищ Старинов. Надеюсь, вы оправдаете наши надежды... Увидел лес под Олевском. Аэродром под Харьковом. Ночные учения, где Якир с гордостью говорил о советской военной технике. Этот человек – предатель и изменник?! А маршал Тухачевский – бонапартист?! Эйдеман, Уборевич, Примаков, Путна – прославленные герои гражданской войны – и все они тоже враги народа?! Кольман осторожно взял у меня газету.

– Как же это? – только и мог выговорить я.

– Чудовищно, – согласился советник. – Невозможно поверить. Но ты же видел...

– А какая им была корысть предавать Советскую власть? Власть, которую они сами устанавливали?! За которую кровь проливали?!

– Тише... Конечно, дикость какая-то... Сам не понимаю, на что они рассчитывали... Что им могли дать капиталисты?

– Ничего! Их бы первыми расстреляли, попадись Примаков или Якир в лапы фашистам.

– Видишь, пишут о попытке захвата власти...

– Так они же и были властью!

– Тем не менее – факт налицо...

Да, чудовищный факт был налицо. И Кольман и я не могли не верить Сталину, не верить суду. Не могли не верить, а в сознании не умещалось случившееся... Читая в газетах, что Вышинский награжден орденом Ленина "за укрепление социалистической законности", натываясь на имя Ежова и на карикатуры, изображающие ежовые рукавицы, в которых корчатся враги народа, я испытывал острые приступы тоски. Ни на минуту не забывалось, что работал с Якиром, что неоднократно сопровождал Примакова и Тухачевского. "А что ответишь ты, когда спросят, знал ли Якира и Примакова? Что ждёт тебя по возвращении на Родину? – не раз спрашивал я самого себя. – Что ответишь?"

– Ты что-то плохо выглядишь, Рудольфе! – встревожился Доминго. – Устал?

– Да, друг. Устаю...

Что ещё мог я ответить капитану?

(Текст печатается по изданию: Старинов И.Г. Записки диверсанта. – М.: Вымпел, 1997)

КОНЁК, МОЙ КОНЁК

(Воспоминания)

Родился я на хуторе в Хрединской волости. Вокруг нашего хутора располагались деревни: Бородкино, Прит, Струбок, Слезово, Ягодно, Бабкино, Всини и Хредино, большинство по речке Ситня. А ближе всех располагалась деревня Череменка. В 30-х годах нашу семью с хутора переселили в Череменку, отец при переезде построил в деревне дом, хлев, горшечный завод. После этого заболел скарлатиной и умер в 1936 году. Отцу тогда было всего 46 лет. Все заботы легли на плечи матери, в том числе и по воспитанию четверых детей. Старшая моя сестра Аня родилась в 1925-м, я – в 1929-м, а сестрёнка Лида, да братишка Лёша были совсем маленькие – с 1931 и 1933-го. Но всё равно до войны мы жили хорошо. Вот, как сейчас помню: мать меня рано разбудит, чтобы караулить кур, которые так и норовили зайти в огород, а сама отправлялась на работу. Летом очень хорошо. Утром из деревни идут девушки да женщины с граблями, мужчины с косами. Всегда идут и песни поют. А мы – мальчишки, прибежим на речку Ситню, покупаемся и опять домой, чтобы караулить хозяйство.

А в 1941-м нагрянула война. Из колхоза дали нашей семье лошадку и сказали, что нужно эвакуироваться. Пока собирались, нагрузили вещички на подводу и поехали в сторону деревни Комарино, а дальше хотели повернуть по шоссе на Лугу. Мне было 12 лет, но я уже зал как запрячь лошадь, сестра, хоть и старше меня, но – девчонка. До Комарино 12 километров, уже в деревне Ягодно был слышен шум, гром. Остановились, сбегали вперёд в разведку, а там немцы на мотоциклах по шоссе на Лугу погнались. Так мы и вернулись обратно в Череменку и стали жить в оккупированной деревне. Но в нашей деревне немцы редко бывали, всё-таки мы находились далеко от шоссе.

Стали привыкать к новым порядкам. Нужно было работать: жать, косить... Я уже на лошадке работал самостоятельно, всё возил: и сено, и дрова, и прочее. Фашисты нас не трогали, а если увидят, что такой маленький работает самостоятельно, хвалили: «Гуд, гуд».

Уже в начале сентября 1941 года из деревни в деревню перебегал очень красивый конёк. Кавалерийский, даже с седлом и с уздой. Поводки были порваны, одно стремя оборвано, второе закрутилось коротко. А как начнёшь к нему подходить, он как дунет бежать,

даже через заборы деревенские, которые из жердей, перемахивал. И вот этот конёк пришёл однажды к нашему горшечному заводу. Отец давно умер, горшки никто не делал, и горшечный заводик был заброшен. Я ехал на своей лошадке, поэтому конёк меня подпустил поближе. Я слез, вдоль стенки подкрался и, улучив момент, загородил жердями выход коню. Он, конечно, перепрыгнул бы, но разбежаться ему было негде.

Я сразу же рассказал о том, как поймал коня. Дед Бруда похвалил меня: «Как ты смог? Все хотели его поймать, но счастье улыбнулось тебе». Стал я прикармливать коня, носил ему самого лучшего клевера, да овса. Так и приручил, он совсем был дикий.

Чуть позже перевели его в хлев, сняли с него седло. Под седлом у коня была большая рана, даже загнивать стала. Дед Бруда мне и говорит: «Гордей, быстро беги в лес, лови змей и сажай в бутылку». Принёс я этих змей, их растопили и змеиным жиром смазывали рану у коня и быстро вылечили. Меня Конёк полюбил.

Подходил к концу 1941 год. В декабре, когда выпал снег, деревенские мужики стали коня объезжать. Он ведь в дровнях никогда не ходил. Мужики были опытные, быстро его объездили, и теперь у меня стало две лошадки. Позже мы с матерью старую кобылу Шуру обменяли на корову.

Стали в наших краях появляться партизаны. Первым объявился Гаврилов Михаил по прозвищу Христос. Он три раза бежал от немцев из-под расстрела. Михаил служил моряком в Кронштадте. Летом 1941 года уехал в отпуск домой, а обратно вернуться не смог. В начале войны ушёл в партизаны. Первый раз немцы поймали его возле Долгого озера на полигоне, узнали, что он матрос и партизан и решили пустить в расход. Михаила заставили рыть себе могилу, один немец стоял, облокотившись на винтовку, а второй ел ягоды в окрестностях. И вот, когда могила была почти готова, а второй немец несколько отдалился, Михаил первого караульного ударил лопатой по голове, а сам как рванул бежать. Второй немец по нему стрелял, одна пуля зацепила по ноге, но Михаил убежал, а рана скоро зажила.

Ещё случай произошёл, когда угоняли из окрестных деревень девочек в Германию. Михаилу сказали, что и его сестру угоняют. Он взял с собой пулемёт Дегтярёва и забрался на колокольню церкви в Хредино. Девчат немцы везли на автомашинах из Всинь, Бабкино и Череменки (мою сестру тоже угоняли). Только начали въезжать в Хредино, а Михаил как начал строчить из пулемёта, но не по машинам, а вокруг них. Немцы переполошились. Пока церковь окружали, пока партизана ловили, все девочки разбежались. Михаила поймали и увезли в деревню Лудони в штаб. Во время допроса он попросился в туалет. Немец его повёл, пустил в уборную, а сам остался за дверью и ждёт. Михаил посмотрел, что сзади никого нет, выбрался наружу через выгребную яму и опять как рванул. Так и убежал. Он потом рассказывал, что после этого три часа в реке Курее отмывался, что его рвало, но ведь ушёл живой и невредимый.

Третий раз Михаил попал в плен, когда группа партизан была на задании на ст. Новоселье, где хотели подорвать мост, но их схватили. Вся группа – человек семь, в том числе и Михаил были пленены немцами. На второй день партизан повели на расстрел, но их товарищи уже знали куда их поведут, организовали засаду и освободили пленных. Только один партизан погиб.

Многие становились партизанами, например, Василия Сумина и Петра Кукушкина в конце 1941 года угоняли в Германию, а они при погрузке в Стругах Красных сбежали. Пришли домой, но так как дома после побега жить нельзя, стало на два партизана больше.

Отступал от границы с Эстонией старший лейтенант дядя Лёша Белов, догнать отступавшую Красную армию уже не смог и так остался в родных краях, а после стал командиром партизанского отряда.

Иван – племянник тёти Любы жил в Ленинграде, вступил в ополчение, попал в плен. Когда его везли он тоже сбежал в Стругах Красных, пришёл к тёте и после стал партизанить.

К январю 1942 года местных партизан стало 12 человек, а после, их количество только увеличивалось. Как я уже писал, командовал отрядом дядя Лёша Белов.

С 1942 года партизаны начали ходить на задания. Как только уходят, берут три-четыре лошадки в деревне, а моего Конька брали обязательно, так как он считался «военным», я ведь его поймал даже с седлом. А какой быстрый был конь! Он рысью бегал быстрее, чем деревенские галопом.

Один раз партизаны уехали на задание за Киевское шоссе. Между Стругами и Маяково по узкоколейке ходил маленький паровозик «кукушка», его охраняли два немца. Партизаны паровозик остановили, у немцев забрали оружие и отправили их пешком в Маяково. Всё продовольствие, которое перевозили на паровозике: муку, крупу, был даже шоколад, перегрузили на лошадей. На моего Конька положили четыре мешка муки и погнали... Обращаться с лошадьми многие партизаны не умели, моего Конька нужно было только придерживать вожжами, а уж если пустишь, да вожжой ударишь по боку, то можно и не удержать. А в тот раз засупонили его плохо, и когда в Комарине переезжали шоссе, с разгона выехали на гравийную дорогу, хомут порвали, Конёк выскочил из оглоблей. Хорошо, что нашлись те, кто понимает, быстро связали ключицы брючным ремнём, а снизу засупонили и всё же доехали. Я плакал...

Хомут я носил в другую деревню. Дед-шорник мне отремонтировал его за мешок картошки.

После этого случая я сказал командиру отряда, чтобы больше никому Конька не давал без моего разрешения. Но в следующий раз всё же дал своему двоюродному брату Васе Сумину, ему я доверял. Как раз с того задания он привёз много сахарина. А сахарин очень сладкий, его больше таблетки в кружку класть нельзя. Сахарина привезли очень много и раздали всем деревенским. На семью давали литровую кружку сахарина, а мне, за то, что мой Конёк был

на задании, выдали целый пуд. И стал я своего Конька прикармливать сахаринном, давал по таблетке три раза в день вместе с кусочком хлеба.

Приручил я Конька, скоро он никому кроме меня не давал себя запрячь. Однажды, запряг я его, партизаны проехали до края деревни, Конёк увидел, что меня сзади нет и, сколько проехал вперёд, столько и прошёл назад не разворачиваясь, пока не вернулся ко мне. С тех пор я стал его единственным хозяином. В деревне даже пустили слух, что пацан заколдовал лошадь.

В конце декабря 1942 года пришли к нам в деревню партизаны и троих пацанов: Толика Киселёва, Ивана Кузнецова и меня позвали в штаб. Как раз перед Рождеством 25 декабря нас троих снарядили на задание. В дровнях забрали головяшки¹ двойными досками и туда положили по паре сапёрных клещей-кусачек. Итого на троих – шесть сапёрных кусачек. Наша задача состояла в том, чтобы мы, работая на подводах с лесом, которые будут загружать и разгружать военнопленные, работающие в лагере в Маяково, передали им эти кусачки. Я выбросил кусачки сразу, первым рейсом, потом Иван, а Толик был большой ростом, за ним немец так и ходил, но всё же и он выбросил кусачки.

В лагере было около 7000 пленных. На Рождество немцы напились, а пленные нашими кусачками срезали полный пролёт в ограждении из колючей проволоки. В ту ночь сбежало около 300 пленных, правда, многие погибли при побеге, но такова война... Все сбежавшие пленные пополнили ряды партизан.

Помню после этого состоялось у партизан большое построение, и мы с ребятами там были. Партизаны сказали, что вот эти самые пацаны и помогли освободить пленных, они нас как схватили и, наверное, минут двадцать подбрасывали на руках, а затем расцеловали.

После этого задания моей матери сказали, что как только в деревне появятся немцы, то предатели сразу же нас сдадут, расскажут о том, как наша семья помогала партизанам. Предателей, конечно позже расстреляли, но тогда, как только мы об этом узнали, решили перебираться из деревни в лес.

В бору на берегу реки Ситня мы за два месяца построили два «окопа». Сначала рыли большую яму (примерно 5 на 6 метров), ставили стойки и закладывали брёвнами. Брёвна пилили недалеко – прямо в бору. Тяжело было... Сестра хоть и старше меня, но топором работать не могла. Брёвна на лошадке подтаскивали и забрасывали за стойки, а наверх накатывали. В нашей землянке сложили плиту из кирпича, а во второй, которая была несколько побольше, располагались корова и Конёк. Мы из деревни первыми ушли. Летом косили сено и возили уже в лес, почти всё заготовили, но пожить в землянке мне не удалось, а мать с младшими детьми жили там до 1944 года, пока нас не освободила Красная армия.

¹ Головяшка – передок, передняя часть дровней

В 1943 году наши деревни уже были сожжены, все жители ушли в лес, построили «окопы» и боротенские, и череменские. Все окрестные деревни теперь были по берегу Ситни в лесу с полкилометра одна от другой.

Летом 1943 года в наши края пришла 5-я партизанская бригада. По всем нашим «окопам» ещё и партизаны разместились. Рядом вырыли для себя землянки. Только обосновались и почему-то стали перебазироваться от Хредино до деревень Лежно, Турея, Замушки, в общем, до самой Новгородской области.

В июле 1943 года пришли к нам опять наши местные партизаны: дядя Лёша Белов, брат Вася и другие. Их отряд влился в 5-ю партизанскую бригаду. Теперь дядя Лёша стал командиром 90-го отряда 1-го полка под командованием Скородумова.

Как только наши партизаны пришли, то с дядей Лёшей состоялся такой разговор:

– Ну вот, Гордей, мы теперь Конька твоего забираем, – я заплакал.

– Раз Конька забираете, то и меня берите вместе с ним. Разве вы не знаете, что он без меня никуда не пойдёт, да ещё кого-нибудь покалечит.

– Ты ведь несовершеннолетний, – говорит дядя Лёша.

– Как пленных освобождать, так можно, значит?!

– Так ведь это от дома близко.

А я всё плачу. Идут командир полка Скородумов с политруком.

– А здесь, что за слёзы?! – спрашивает Скородумов.

– Вот наш герой, без которого лошадь не идёт, – отвечает дядя Лёша.

– Это тот, который нас освобождал, – заметил политрук.

Партизаны постояли, поговорили между собой, а после Скородумов и говорит:

– Пускай едет, здесь недалеко.

Я сразу обрадовался, бегу, кричу:

– Меня в партизаны взяли!

– Это благодаря твоему Коньку взяли, – сказал брат Вася.

Мать как услышала, что я ухожу с партизанами, как заплачет, как закричит:

– Куда же вы несовершеннолетнего берёте?!

Но дядя Лёша и брат Вася уговорили мать. Собрали меня в партизаны. Только мы тронулись, догоняет сестра, остановили меня и подвязала мне вокруг шеи платок вязаный. Уезжали мы в деревню Лежно.

Поначалу делал всё, что прикажут, дрова возил, чтобы хлеб печь, а после нас с Коньком прикрепили к подрывникам. Там были все наши мужики: Михаил Христос, Иван Любочкин, дядя Захар, дядя Петя из деревни Всини... Они меня как сына опекали, а я за Коньком ухаживал. Они мне во всём помогали. За шесть месяцев я семь раз возил отделение подрывников на железную дорогу под Порхов и под Дно. Когда едешь на «железку» километров за тридцать, как к мамке в гости, подрывники погрузят пулемёт Дегтярёва, взрывчатку, я везу, а мне нисколько не страшно. А вот когда они всё это выгрузят и велят ехать

обратно, тогда очень страшно ехать одному тёмным лесом. У меня всё время был с собой пистолет – немецкий браунинг, заделанный в головяшку дровней, но стрелять-то из него всё равно нельзя. А спрятан он был так, что его даже миноискателем не найдёшь. Был однажды случай, когда полицай убил такого пацана как я и сказал, дескать он уже был убитый, а лошадь сама шла. Расстреляли того полицай.

Как уже упоминал, семь раз возил я подрывников на железную дорогу, знаю, что шесть раз они успешно её подорвали, а один раз нарвались на засаду и одного партизана ранили в живот. Мы его сразу повезли на Радиловское озеро, туда на лёд озера садились самолёты: У-2 и даже 18-местный. Через день мы раненого партизана отправили «на большую землю».

Дядя Лёша Белов взял меня в партизаны, он же меня и спас от неминуемой гибели. Он заранее знал, что будет серьёзный бой. В нашем отряде был раненый в руку Виктор Леонтьев и больной тифом Иван Семёнов – оба из Череменки. Дядя Лёша 15 февраля 1944 года и отправил меня с Виктором и Иваном в Череменку. Иван был очень плох, у него была высокая температура, он временами впадал в забытье. Привёз я их к родным, а сам направился домой. Мама меня сразу в баню отправила, уж очень много у меня было вшей. Четыре раза мать меня парила, всё бельё сменила, ведь за шесть месяцев я может быть раз пять только был в бане, а нижнее бельё не менял ни разу. Но ничего – не умер.

Немного отдохнул у матери и собрался в обратный путь в деревню Буйно. Коровы у матери уже не было, её съели в первых числах января, поэтому оставшееся сено я забрал с собой. Приехал я в деревню Всини и встретил там Мишку Христоса, а он мне и говорит:

– Куда ты собрался?

– Мне дядя Лёша ничего не сказал, ехать обратно или нет? Может быть я там нужен.

– Никому ты не нужен, – отвечает Мишка, – наш 90-й отряд весь погиб, только вот мы вышли из боя, восемь человек.

– А брат мой, Васька Сумин?

– Убит.

– А Петя Кукушкин?

– Убит.

Что мне оставалось делать, поехал я в «окопы» к своему крёстному – отцу Васи со скорбной вестью.

– Ой, мой крестник приехал, – встретил он меня радостно, – ну как вы там воюете?

– Так и воюем, всех моих убили. И Ваську тоже...

Рассказал крёстному всё, что знал. Он плачет, не верит.

– Сынок, а ты знаешь где они погибли?

– Конечно знаю, я оттуда только приехал.

– Поедем, сынок?

– Лошадке бы надо сенца добавить, – ответил я.

Добавили немного сена, даже овса в торбочку для Конька насыпали и поехали. Нашли мы Ваську и Петьку Кукушкина, привезли их и

схоронили в Хредине у церкви. Я знаю, что они до сих пор числятся в братской могиле в деревне Буйно Новгородской области.

Так моя служба в партизанах закончилась. Партизаны поехали в Ленинград, там их расформировали, взрослые продолжали службу в армии, несовершеннолетних направляли в разные училища, а я никуда не попал. Мать меня непустила, нужен я был на своей земле. Весной 1944 года мы уже построили землянку в своей деревне. Вернулась советская власть, колхозы. Конька моего забрали возить какое-то начальство, и я больше его не видел.

А я как умелый пахарь стал пахать землю на женщинах. У меня было десять женщин, они по очереди таскали плуг, а я шёл за плугом. Всё ж лучше, чем две сотки перекапывать лопатой. Так я работал до 1946 года, а после уехал в Ленинград.

Сразу после войны, ещё в 1944–1945 годах у гражданского населения собирали оставшееся оружие, а у меня был наградной пистолет. В 1943 году, когда я ещё служил в 5-й партизанской бригаде, комбриг Карицкий предложил командиру отряда наградить меня. Решили, что можно выдать именной пистолет, а командир отряда говорит:

– Так у него уже есть пистолет.

– Вот и отлично, – ответил Карицкий, – им и наградим.

Взяли от меня мой браунинг. Построилась вся бригада, выступил Карицкий и говорит:

– За хорошую службу Васильев Гордей Иванович награждается именным оружием!

И вручил мне мой пистолет. Выдали мне также справку о награждении, поэтому до 1946 года пистолет находился при мне, а после справка потерялась.

9 мая 1946 года я из своего пистолета выстрелил в воздух. Давал салют по случаю праздника. Кто-то сдал меня. Приехали чекисты из Струг Красных, пистолет, конечно, изъяли, но сказали, мол, если действительно наградной, то они пошлют его в Псков, там сделают гравировку, зальют ствол и вернут мне обратно. Был я после этого случая у них, поинтересовался:

– Как там мой наградной пистолет?

Около меня посмеялись.

– А ты, случайно, пулемёт не хочешь?

Я рассердился и уехал в Ленинград. А там поступил в ремесленное судостроительное училище, окончил его. После этого отслужил три года и восемь месяцев в армии в Воронеже. Проживаю в Стругах. Инвалид Отечественной войны 2-й группы.

С РОДИНОЙ В СЕРДЦЕ

Воспоминания²

От автора

(вместо предисловия)

Стремительно летит время, оставляя неповторимые годы и свершения не только в летописи Отечества, но и в жизни каждого человека. Но не уходит в тьму прошлого человеческая память

о минувшем. Справедлива народная мудрость: память не только возвращает нас к дорогому прошлому, но и озаряет путь к грядущему. Ибо лишь тогда прочно и непоколебимо будущее, когда создается на фундаменте достойных для подражания примеров жизни и деяний предков. Именно поэтому ветераны и прежде всего участники Великой Отечественной войны даже на склоне лет берутся за перо, чтобы оставить внукам и правнукам свои воспоминания о пережитом и увиденном на своем веку. Не миновал и меня сей соблазн – излить перед потомками свою душу и исполнить патриотический, отцовский и дедовский долг перед ними.

Я принадлежу к поколению, которому довелось жить и трудиться в условиях небывалых революционных преобразований и испытаний. Мы были свидетелями установления советского строя, власти рабочих и крестьян, индустриализации и коллективизации, ликвидации неграмотности и развития культуры. Мы были участниками самой кровопролитной в истории Великой Отечественной войны и Победы над гитлеровской Германией, а после войны свидетелями подъема СССР как высокоразвитой индустриальной и ядерной державы мира. Это были великие годы, ознаменовавшиеся грандиозными стройками, освоением целинных и залежных земель, прорывом в космос, расцветом культуры, литературы и искусства, спорта. Мы по праву гордимся нашими достижениями на пути к социализму, потому что и по сию пору живем за счёт этих достижений.

² Печатаются в сокращении

В то же время на долю моего поколения выпали и невиданные потрясения. Утверждение советской власти и колхозного строя сопровождалось ликвидацией кулачества как класса – фактически уничтожением наиболее трудолюбивой и предприимчивой части крестьянства. Коллективизация лишила крестьян элементарных прав и по существу отбросила деревню к временам крепостничества, явилась одной из причин страшного голода в стране в начале 30-х годов прошлого века. Мы были свидетелями и сталинских репрессий, нанесших огромный вред социалистическому строительству и обороне страны.

Не передать словами страдания, которые принесла народу гитлеровская агрессия. Горечь поражений наших войск в начальный период войны, позор немецкого плена и оккупации, власовщины и бандеровщины, массовые потери и разрушения городов и сёл, неимоверно тяжелая цена Победы – всё это пришлось перенести нашему народу и армии, прежде чем собраться с силами и нанести сокрушительное поражение агрессору.

Не успели залечить раны и поднять страну из руин, как нас захлестнули разрушительные волны «холодной войны». Потребовались новые огромные усилия и материальные жертвы, чтобы устоять, не капитулировать перед международным империализмом, США и НАТО. И мы устояли.

Между тем нас подстерегала новая беда внутри страны: возникли и стали нарастать застойные явления как в экономике, так и в политической, духовной жизни общества. Всё явственнее виделась несостоятельность однопартийной системы. Рассеивалась и иллюзия о возможности построения коммунизма в одной стране. Затеянная Горбачёвым и продолженная Ельциным «перестройка» привела к краху социалистического курса, развалу мировой системы социализма и великой державы – СССР. На глазах моего поколения в суверенной России начались ельцинско-гайдаровские реформы, нацеленные на разрушение системы социализма и на реставрацию капитализма со всеми губительными последствиями для страны и прежде всего для народа.

Мы оказались очевидцами и разрушения наших некогда могучих Вооруженных Сил. Объявленная партией власти «Единой Россией» реформа армии, направленная на «оптимизацию» и создание некоего «нового облика» Вооруженных Сил, пока что ничего не дала для укрепления обороноспособности страны. Наоборот, разрушены многие компоненты, на которых держалась наша военная мощь. Где наш некогда могучий океанский ракетно-ядерный флот? Да и как можно реформировать армию России при отсутствии военной доктрины? Старая, советская, отменена, а новая не принята. Мне, бывшему кадровому офицеру, больно все это видеть.

Добрую половину своей жизни – 43 года я посвятил военной службе. В армейский строй встал в разгар Великой Отечественной войны и прошел путь от курсанта и командира взвода до начальника отдела Главного политического управления Советской Армии и Во-

енно-Морского Флота и Главного редактора журнала Минобороны СССР.

Моя служба проходила в основном в органах спецпропаганды (по теперешней терминологии – «зарубежной военной информации и коммуникации») и была связана с частыми командировками как внутри страны, так и в зарубежные страны. Поездами и самолетами довелось объездить многие города от Прибалтики до Дальнего Востока и Камчатки, от Севера до Средней Азии и Закавказья. На боевых надводных кораблях и подводных лодках ходил в дальние походы по Чёрному, Балтийскому, Средиземному и Красному морям, Атлантическому океану, на авиалайнерах летал на берега Индийского и Тихого океанов. За свою долгую жизнь побывал по служебным делам в 23-х странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Суровые будни морской боевой службы и командировки в «горячие точки» планеты, международные конгрессы и визиты дружбы в иностранные порты, поездки с делегациями на празднование дней Победы и встречи с ветеранами совместной борьбы против фашизма оставили неизгладимый след в моей памяти.

Хочу надеяться, что мои молодые и юные читатели, которым я посвящаю свои воспоминания, не без пользы для себя прочитают эту книгу.

Струги Красные – край родимый Завораживающие ландшафты

Мои детские годы прошли в Стругокрасненском районе Псковщины, входившем тогда в Ленинградскую область, в краю пологих холмов, бескрайних лесов, болот и озёр да редких нив и полей между ними.

Здесь, на северо-западе района, на десятки километров простирается Лужская возвышенность, а в ней выделяется Творожковская группа высот с самой высокой горой Кочебуж (205 м). На её вершине лежит громадный валун, принесённый Валдайским ледником, и родник с живительной влагой. А по юго-востоку, синеют бескрайние лесные дали Ильменско-Волховской низменности.

Голубыми блюдцами смотрятся окружённые лесами и полями озёра: Псковянокское, Щирское, Барское, Княжицкое, Кебское, Долгое, Мошнинское, Рокинское – их больше сотни, и все очень красивы. Весь край пересекают синие ленты рек и речек. Самая большая сплавная река Люта течёт по территории района целых 70 километров. Она всегда играла важную роль в жизни здешних сёл и деревень.

В лесных угодьях, озёрах и реках обитает тьма зверей, пернатой дичи, рыбы и другой живности. А уж о лесных дарах – объектах «тихой охоты» и говорить нечего.

Наша деревня Старое Заречье, прижавшаяся одной окраиной к горе со странным названием Крестки, а другой – к большому лесному массиву со столь же непонятным названием Колочатник, не-

когда было большим селом. Но в годы столыпинских реформ больше половины селян переехали на хутора. Так что и наша большая семья Захаровых перебралась на свой старинный надел в неудобье у самого края тёмного бора. Лишь узкая полоса земли, пригодной для посева ржи, ячменя, овса или гороха, а то и льна, отделяла его от огромной Ястюшиной горы, густо покрытой сосняком, папоротником, можжевельником и орешником, а летом и осенью – ещё и несметными россыпями земляники и грибов.

Живописная природа нашего края, своими увалами и холмами напоминающая ландшафты Валдая, завораживала меня с раннего детства. К впечатлениям о её своеобразии и красоте я не раз возвращался в своих стихах.

Род незнатный. Детство и школьные годы

Должен сказать, что «рода Чихачёвых» как такового в нашей родословной никогда не существовало, а сама фамилия появилась, можно сказать, по курьёзной случайности. Как это часто бывало в дореволюционной России, когда отца брали в солдаты, записали его по прозвищу «Чихач» (от привычки в молодости чихать при курении махорки). Фамилия же его отца и многочисленных братьев и сестёр – Захаровы. А фамилия родных матери – Алексеевы.

Моя родня

О родословной родителей знаю совсем немного. Их деды, как и прадеды, были крепостными, безграмотными крестьянами, а после отмены крепостного права всю жизнь трудились на своих наделах в одной общине и батрачили у помещика Шаровского, владевшего мызой в большом селе Рожник и лучшими землями за большой сплавной рекой Лютой. Дед и бабушка по материнской линии рано умерли, и я их не помню. Зато родителей отца помню хорошо. Дед Прохор (почему отца величали и в паспорте записали «Прокофьевич», ума не приложу), был хоть и неграмотным, но рачительным хозяином, хорошим плотником, любил «принять на грудь» и в праздники побуянить. Любил и землю, называя её кормилицей. А в колхоз не пошёл, и когда стали загонять в артель силой, не выдержал и в запое наложил на себя руки. В пору коллективизации случай среди крестьян – не единичный. Помню, на похоронах деда пронесся слух: на соседнем хуторе на вожжах повесился крестьянин Струнин.

Бабушка Серафима, сухонькая, набожная, молчаливая женщина, родила чуть ли не полторы дюжины детей и вырастила одиннадцать (остальные умерли в младенческом возрасте), пережила в великих трудах тяжёлые предвоенные и военные годы, немецкую оккупацию и тихо умерла в глубокой старости, прожив 103 года. А дети ещё до войны разъехались – большей частью в Ленинград.

Мои родители с молодых лет были связаны с лесным хозяйством. Отец, окончив ещё до революции приходскую школу, рабо-

тал лесником, бракером-приёмщиком, десятником. Перед самой войной был направлен на курсы усовершенствования в Старую Руссу и по их окончании назначен начальником Шкваренского лесопункта Стругокрасненского леспромхоза.

Мать выпекала хлеб для рабочих леспромхоза и занималась домашним хозяйством. Вскоре после меня одна за другой родились сестренки Оля, Ася и Таня, брат Лёня. Отец целыми днями пропадал на работе в лесу, возвращался домой поздно, и мы редко виделись с ним. Так что все заботы и по дому, и по содержанию домашней живности (корова, овцы, куры, поросёнок) и по воспитанию пятерых детей лежали на плечах мамы.

Нас мама держала в строгости, наказывала за проказы, и мне за всякие шалости (то младшую сестрёнку за косички дёрну, то нос расквашу, то подерусь с мальчишками) доставалось больше всех. От её ремня спасался на сеновале в сарае или под кроватью, ожидая, когда она гнев сменит на милость и ласку. Вспоминая о своем детстве, удивляюсь, как эта маленькая, худенькая женщина управлялась со всем хозяйством, да ещё с такой ребятней. Чтобы нас обогреть, накормить, одеть и отправить в школу, а потом встретить и утомонить, не говоря уже об уходе за скотиной, ей приходилось вставать в четыре часа, дровами растоплять плиту и печь и часами крутиться около их с ухватами, горшками и крынками, выбегать во двор с ведрами и подойниками, а ложиться спать после всей этой круговерти в полночь.

А ведь она была ещё и отменной портнихой и обшивала нас. Да и все деревенские девчонки ходили в сшитых ею платьях и юбках. И никогда не жаловалась на усталость, всегда оставалась бодрой и неунывающей.

Мама находила время, особенно зимой, и для вечерних посиделок – супрядок, как их называли у нас. Собиралась молодёжь, мужики и бабы. Одни пряли, другие что-то плели, вышивали, вязали, Парни играли в карты. Пили малиновый чай с пирогами. А потом мама предлагала: «Что это мы приуныли? А ну-ка, девки, запевай!» И наполнялась наша изба звонким пением весёлых, озорных псковских частушек. Мама довольная улыбалась, потом тихо запевала свой любимый «Вечерний звон». Все затихали и слушали её мягкий, нежный, чарующий голос. Наверное, и мои вокальные задатки от щедрой, любимой мамы. От неё этот дар и у моих сестёр, которые так славно пели в свои молодые годы.

От мамы мы унаследовали и такие черты, как наблюдательность, чувство юмора и иронии. А мишенью её метких шуток-подначек чаще всего был папа. Он не обижался и в ответ обычно, снисходительно улыбаясь, добродушно бросал одну и ту же фразу: «Дю, бес!»

В общем, думая о самом дорогом для меня человеке – незабвенной маме, я вспоминаю мудрые, полные глубочайшего смысла очень справедливые слова Максима Горького: «Всё прекрасное в человеке – от солнца и от ласки Матери».

Переезды, пожары и ребячьи забавы

Первая мировая и Гражданская войны, Февральская и Октябрьская революции, прокатившиеся разрушительным катком по Псковщине, затормозили процесс переселения на хутора, и многие крестьяне так и не смогли обустроиться там вплоть до 20-х годов. Но как только мужики вернулись с фронтов, сразу же приступили к строительству своих подворий. Помню, как отец и дед сами рубили тристенник дома и перевозили на новый хутор в двух верстах от дедовского. Мне нравился этот срубленный в чистый угол, аккуратный домик под модной тогда крышей из дранки или, как у нас говорили, щепы.

Но не успели обустроиться, даже возвести крытый двор, как дом наш сгорел дотла. Отец успел спасти лишь главное наше богатство – швейную машинку «Зингер». И пришлось нам, заняв небольшие деньги в долг, возвращаться в деревню, теперь уже в Новое Заречье и купить там пустовавшую избу и хлев с сараем. Сразу за огородом протекала речка Черобенка, а за ней начинался густой лес – дача, как в тех местах леса называли.

Отцу-то, работавшему лесником, стало даже ближе к месту работы, а вот мне и моим сестрёнкам стало ещё дальше ходить в школу. Зато какое раздолье было для ребятни в лесу с его душистыми и вкусными дарами и рядом с журчащей речкой, с кишачими в ней щуками, окунями, пескарями и раками. Мы ловили всю эту живность бродцами (небольшими сетями), а то и чуть ли не голыми руками.

Когда подрос, ходил с приятелями на ближнее, в трёх верстах, почти заросшее зыбким мхом и кустарником Архипово озеро. Длинными шестами с набалдашниками выгоняли из-под корневищ старых ив и из-под мха полчища раков и ловили в широкие саки. Или с камыш, выдолбленной из толстого дерева (типа пироги), ловили на удочку плотву. Любили мы и ходить за орехами в лес, но особенно на живописную Гажью гору. Запомнилась и охота на лесную дичь, куропадок и рябчиков. А поскольку нам, подросткам, отцы ещё не доверяли охотничьих ружей, мы ловили этих птиц, как наши древние предки – на петли на тонких берёзовых стволах, пригнутых к устройству с приманкой.

Надо сказать, что в те годы эти наши ребячьи вылазки в лес, к речке и на озёра были не просто забавой. Даже с чисто житейской стороны они для семьи были не лишними. Мама – наша кормилица всегда была рада нашим лесным дарам, потому что в доме очень многого не хватало. Переезд на хутор, пожар и новый переезд в деревню разорили семью. Кое-как перебивались на мизерную зарплату отца. Основным же источником существования была бурёнка, дававшая всего-то 8 литров молока в сутки, да несколько овечек и кур. Мясо нам перепадало редко, самой доступной едой была картошка с огорода.

Тяжелейшее бедствие семья пережила в 1932–1933 гг., когда Псковщина, как и почти вся наша страна, была охвачена страшным голодом. Голодомор свёл в могилу в те годы очень многих моих земляков.

Хождение по школам

И всё же не эти мрачные страницы запали в мою память. Самые яркие детские воспоминания у меня связаны со школой и удивительными условиями нашей учебы. Вместе со всей детворой (а в 20–30-е годы в каждой крестьянской семье было не менее 4–5 ребятшек) ходил в соседнее село Большие Горки – в Сафроногорскую начальную школу, размещавшуюся в бывшем господском доме раскулаченного мироеда Коткова.

Помнится, в одном скетче, поставленном в школьном драмкружке, я играл даже роль эдакого зарвавшегося кулака. С каким пафосом в конце спектакля кричал: «Я у мужиков – Пузырь Пузырич Пузырёв!» под дружное улюлюканье собравшихся со всех соседних деревень крестьян-зрителей.

В летние каникулы я, как и большинство мальчишек, пас коров и овец – своих и «маткиных» (т.е. крёстной), благо наши хутора были рядом. Пригнав скотину с поля, любил задержаться у матки Дарьи, которая всегда угощала вкуснейшими ватрушками или блинами с топлёным молоком. Ещё больше любил пообщаться с её мужем дядей Ваней. Он до революции жил и учился портняжному делу в Петрограде, был начитанным и после школьного учителя и священника считался самым образованным человеком в нашей округе.

Небольшого росточка, тёмно-рыжая бородка клинышком и аккуратные усики, пенсне и, кажется, никогда не снимаемая жилетка – всем своим внешним видом он походил скорее на провинциального интеллигента или чиновника, чем на крестьянина. «Ты, сынок, – скороговоркой говорил он, не отрываясь от своей старенькой швейной машинки, – живёшь на Псковской земле и должен знать, что она была кормилицей великих россиян – писателей, поэтов, музыкантов, славных ратников. Читай их романы и стихи, учи историю. Слыхал о Пушкине, Мусоргском, Римском-Корсакове? Они прославили Россию на веки вечные. Кстати, до усадьбы Римского-Корсакова от Заречья – рукой подать».

Потом обстоятельства сложились так, что я почти два года жил у моего дяди Алексея Прокофьевича, младшего брата отца, в дачном посёлке Мельничный Ручей в пригороде Ленинграда. В пятом и шестом классах учился в средней школе на соседней станции Всеволожской (ныне город Всеволожск). В связи с мобилизацией дяди в армию мне пришлось вернуться в свою деревню и седьмой класс заканчивать в школе-интернате, располагавшейся в бывшем Творожковском женском монастыре, что в семи километрах от Заречья.

Через всю свою жизнь я пронёс чувство благодарности учителям за знания и привитый мне живой интерес к истории Родины, родному краю и любовь к чтению. К четырнадцати годам мною было прочитано почти всё, что было в школьных библиотеках об истории Отечества, летописи Пскова, Ленинграда.

Праздники и народные гулянья

Рассказывая о своём детстве и школьных годах, нельзя не коснуться и традиционных для русской деревни праздников. Как ни тяжело и безрадостно, а для многих и трагично было время коллективизации и колхозного строительства, сопровождавшееся раскулачиванием и другими репрессиями, праздники и народные гулянья оставались неотъемлемой частью жизни и быта крестьян. Кроме празднования 1 Мая, 7 ноября, 23 февраля и 8 марта, введенных советской властью, в мою детскую память врезались весёлые гулянья в Новый год, Рождество, Крещение, Масленицу.

Парни и девчата собирались на вечерние посиделки, водили хороводы и танцы (лихо отплясывали «леного», «крутого», «краковяк» и др.), ходили по улицам и дворам ряжеными. Как правило, на главной улице деревни устраивали огромные качели. Поздней ночью весело провожали Масленицу. На вершине горы Крестки жгли костры и высоко в небо поднимали на шесте зажжённую старую смоляную бочку или лукошко. Пылающий факел ярко освещал склоны горы, с которой вихрем летели вниз на лыжах и санках деревенские ребята. А какие обильные застолья и шумные гулянья устраивались в так называемые «престольные» праздники. Каждая деревня праздновала свой день, посвященный святому покровителю: в Рожнике – Петров день, в Лычно – Ильин день и т.д. А для нас, зарецких, самыми главными были два: в Больших Горках – Троица и в Заречье – Фрол (или Фларий). Первый отмечался летом, а второй – осенью.

Помню, задолго до торжеств заготавливалась еда для застолья. Резали свиней и овец, кур и гусей, другую живность. Варили, солили, тушили, пекли, жарили. Со всех дворов шёл головокружительный аромат. И, конечно, загодя гнали самогон, да столько, чтобы все праздничные дни (а гуляли почти неделю) вино лилось рекой. На праздник стекалась вся родня – и со своей, и с дальних деревень, зачастую и из Питера. Пили и ели весь день, а заканчивалось всё большим и шумным гуляньем под открытым небом. Толпы празднично одетых, хорошо подвыпивших хозяев и гостей выходили из домов и с песнями и плясками шли по деревне, по центральной улице. А впереди самые уважаемые гости – гармонисты. Вокруг их молодежь, задорно пляшущая и поющая. Девушки и парни наперебой и без усталости горланили задорные псковские частушки. Весёлые, иногда озорные, а то и с похабинкой, они никого не оставляли равнодушным. Ведь нередко в них звучала и меткая критика тогдашней колхозной жизни.

И всё было бы хорошо, если бы... Если бы не проклятый стародавний обычай затевать междеревенские разборки и драки, главным образом между юношами из-за девушек. Разгорячённые самогоном и брагой ватаги парней, вооружившись выломанными из заборов жердями, под крики: «Наших бьют!» шли стеной друг на друга и лупили обидчиков почём зря. А потом некоторые и ножи, финки в ход пускали. И вот уже раздаётся душераздирающий женский вопль: «Мишку лычинского порезали!» И пошла-поехала поножовщина. Да... Редко гулянья в престольные праздники обходились без убийств и калечения людей. Но вот что интересно: никто ни на кого не подавал в суд, и даже явных убийц редко арестовывали и судили.

Вот такой мне запомнилась наша довоенная деревня. Это была совсем другая планета! Подумать только: мы, все пятеро сестёр и братьев, всё это пережили и, выжившие в войну и в послевоенное лихолетье, видя перед собой сегодня те же деревни разваленными, почти безлюдными, заброшенными, окруженными лядинами и кустарниками на месте прежних зелёных полей, и вправду невольно воспринимаем довоенное прошлое как совершенно другую планету, оживающую только в нашей слабеющей памяти. И теперь вот оказались совсем в другой стране, так далеко отстоящей от той исчезнувшей планеты нашего детства.

(Великая Отечественная война застала Николая в Ленинграде. В феврале 1942 г. он был эвакуирован и в апреле 1943 г. зачислен курсантом в Новосибирское военное пехотное училище. С января 1944 г. Николай Чихачёв – младший лейтенант, командир взвода автоматчиков 373-го запасного стрелкового полка. Весной 1944 г. полк передислоцировали на территорию Украины, а затем Молдавии. Летом командир полка дал Чихачёву отпуск на две недели и Николаю удалось добраться до родных, переживших оккупацию).

Свидание с семьёй

Командир полка дал отпуск на две недели, и я немедля с полстиной сала, банкой отменной селёдки и бочонком молдавского красного вина отправился поездом в далёкий путь. Ехал почти двое суток, не отрываясь от окна вагона. Тяжело было смотреть на руины городов, пепелища деревень и сёл. А когда ранним утром сошёл с поезда на родной станции Струги Красные, не поверил своим глазам: передо мной была голая снежная пустыня с редкими столбиками поднимающегося к небу дыма. Вокруг станции я не увидел ни одного уцелевшего дома, а оставшиеся после изгнания немцев люди ютились в землянках, обогреваясь самодельными печурками.

Не сразу удалось найти и оказию, чтобы доехать до родной деревни. Никакого регулярного транспорта ещё не было, местные жители добирались туда на случайных подводах, либо пешком (25 километров – не расстояние). Но я-то всё-таки не «пустой» приехал, поэтому стал искать свою удачу. И она заставила не так уж долго

ждать. Откуда-то появился и остановился недалеко от станции «студбеккер», который, как выяснилось, занимался заготовкой сена. За пузырь молдавского вина я за каких-то полчаса был доставлен прямо к заветному дому.

Не передать всех эмоций той встречи. Все дни не спали до глубокой ночи и говорили о пережитом... О том, как зарецкие мужики и бабы были ошеломлены столь быстрой оккупацией немцами Струг Красных. Как наша семья и семеро детей дяди Феди и тётки Ньюши, приехавшие на лето из Ленинграда, мытарствовали сначала в Старом Заречье, а потом на Васином хуторе все эти страшные годы, ничего не зная о моей судьбе. Как зверствовали оккупанты. Как вели борьбу против врага партизаны. Узнал об участии отца в качестве проводника в партизанских диверсионных акциях и о предателях, преимущественно из числа эстонцев, служивших полицией. Мама рассказала, как сестру Олю чуть не угнали в Германию, и только справка врача, связанного с партизанами, о якобы «заразной болезни» спасла её от фашистского рабства.

Один трагический эпизод особенно глубоко запал в мою память. В 1943 году партизаны, действовавшие в нашем районе, по приказу Ленинградского штаба партизанского движения избрали Шкваренскую лесную дачу как наиболее подходящее место для сброса боеприпасов с самолета. Партизанский полк, выделенный для приёма доставленных боеприпасов, ждал. Но самолёт в назначенный срок не прилетел. Фашисты, до зубов вооружённые пулеметами, гранатомётами, миномётами и даже танками, плотным кольцом окружили партизан. Операцией карателей руководил штаб, расположившийся в деревне Сафронова Гора, в двух километрах от Заречья.

Время шло. У партизан кончились продукты, уже и лошадей съели. Каратели, сжимая кольцо окружения, всё глубже продвигались в лес. В этих условиях командир полка принял решение сформировать отряд прорыва, собрав для него все оставшееся в наличии патроны и гранаты. На прорыв вышли ночью между Сафроновой Горой и рекой Лютой. В отчаянной схватке партизаны смяли четыре засады противника и вырвались из окружения. В этом ожесточенном бою героически погиб комиссар полка П.В. Власов.

Ожидаемый самолет «Дуглас» прилетел 27 июня, сбросив во вновь избранный район боеприпасы, рации, обувь, продукты, газеты. Партизаны с новой силой развернули боевые действия, уничтожая вражеские гарнизоны и отряды карателей, среди которых были и изменники-власовцы из так называемой РОА, штаб которой тогда обосновался в Стругах Красных.

Естественно, возникали и вопросы, почему партизанский полк в Шкваренском лесу был неожиданно окружён карателями и оказался на краю гибели, понеся тяжелейшие потери? Не было ли это результатом предательства? Во всяком случае мои зарецкие собеседники рассказывали, что в те трагические дни видели проезжавшую по деревне телегу с телами всей семьи дяди Андрюшки, жившего как раз на краю той самой Шкваренской дачи. Говорили, что их расстре-

ляли партизаны за выдачу немцам каких-то сведений о партизанах.

По возвращении из отпуска я ещё несколько месяцев продолжал обучать пополнение, командуя взводом, а в августе был назначен адъютантом командира полка.

(После окончания войны, Николай поступил в Военный институт иностранных языков, окончил его с отличием в 1950 г. В период с 1950 по 1967 гг. служил в подразделениях спецпропаганды Черноморского флота, с 1967 по 1982 гг. в Главном политическом управлении в Москве. С 1982 по 1986 гг. являлся главным редактором журнала «Советское военное обозрение». В 1986 г. в звании капитана 1-го ранга вышел в отставку. С 1993 г. работал в Российском комитете ветеранов войны и военной службы. С 2008 г. в Московском комитете ветеранов войны).

Путешествие из Москвы в Петербург

Моя последняя поездка на малую родину, о которой хочу рассказать, состоялась в июле-августе 2009 года. Я совершил её вместе с моей старшей внучкой Светой и её мужем Алёшей на автомашине. Маршрут и время путешествия мы выбрали не случайно, приурочив его к 65-й годовщине полного снятия фашистской блокады с Ленинграда и освобождения Ленинградской области и Псковщины от гитлеровских оккупантов (1944 г.). За девять дней мы проехали по местам боёв войск Ленинградского, Волховского и 3-го Прибалтийского фронтов, действий партизанских отрядов на Псковщине.

Одновременно мои молодые спутники впервые получили возможность ознакомиться с шедеврами архитектуры и искусства Санкт-Петербурга, Петродворца, Павловска, Пушкина, посетить Великий Новгород и Псков, Пушкинские Горы, Старый Изборск, осмотреть древний Свято-Троицкий Псково-Печорский мужской монастырь, наконец, погостить в Стругах Красных и Старом Заречье, где прошло моё раннее детство.

Поездка облегчалась тем, что на всём пути нам не понадобилось пользоваться гостиницами. В Петербурге нас разместили в своих квартирах мои сестры: Ольга (с мужем Дмитрием Александровичем) и Анастасия. Хотя им уже за восемьдесят и все пенсионерки-инвалиды, они, как всегда, радушно нас приняли и вместе с моими племянницами Аллой и Ларисой, зятем Станиславом сделали всё, чтобы мы чувствовали себя как дома.

А на Псковщине заботу о нашем устройстве взяли на себя проживающие в Стругах Красных моя младшая сестра Татьяна, тоже пенсионерка, и её дочь Светлана с мужем Валерием. Всё лето Таня с внуком Артёмом живет на даче в деревне, и её двухкомнатная квартира была к нашим услугам.

Четырёхдневная программа на Псковщине оказалась не менее насыщенной и разнообразной. На моих спутников особенно сильное впечатление произвели экскурсии в Кром (кремль), Поганкины

палаты, древние храмы и памятники А.С. Пушкину и княгине Ольге в Пскове, Пушкинский заповедник в Михайловском и могила поэта в Святогорском монастыре, а также действующий Свято-Троицкий Псково-Печорский мужской монастырь в Печорах, древнейшая святыня в России.

Накануне отъезда в Москву посвятили день поездке в Старое Заречье. Увы, лично для меня она оказалась самой удручающей.

Выехали не рано, ведь ехать недалеко – всего 25 километров. Ещё десять-пятнадцать лет назад по вполне приличной в то время гравийной шоссейной дороге я на своем «Москвиче» преодолевал это расстояние за 35–40 минут. Думал, и теперь проедем не больше, но не тут-то было. Едва проехали усадьбу бывшего совхоза «Авангард», асфальт оборвался и началось испытание нашего японского лимузина на прочность. По колдобинам и ямам, маневрируя между ними, Алёша больше часа вёл своего заморского «коня». Но сначала заехали к Быстреевскому погосту – на старинное кладбище, что в пяти километрах в стороне от Старого Заречья. Там под сенью огромного клёна, рядом с древним храмом Николая Чудотворца (упоминается ещё в новгородских писцовых книгах 510 лет назад), покоится прах моих родителей. Мы почтили их память и возложили цветы к могиле. Я напомнил об их достойно прожитой жизни, о пережитых ужасах фашистской оккупации, об отцовских партизанских тропах, его участии в боях и ранении на Ленинградском фронте, о работе на износ в колхозе после войны, о великой труженице – матери, родившей и вскормившей нас, пятерых детей.

Раздумья у возрожденной обители

Почтив память бабушек, дедушек и других родных, чей прах покоится на этом же кладбище, направились к другой святыне – Творожковскому Свято-Троицкому женскому монастырю, расположенному всего в двух километрах от Быстреева. Как я уже говорил, за каменным забором этого монастыря я провёл почти два года в размещённой в нём школе-интернате в 30-х годах. Восстановленный в двухтысячном году этот монастырь является, пожалуй, главной достопримечательностью здешних мест. Учитывая важное предназначение, возлагаемое на монастырь церковью и властями новой России, стоит вспомнить о роли, которую он играл в прошлом.

Построена была женская обитель в 1865 г. на живописном берегу озера Каменного «с высочайшего разрешения» по ходатайству гдовской помещицы Александры Филипповны фон Розе, в монашестве Ангелины. Из окрестных деревень и хуторов далеко был виден белокаменный пятиглавый собор с высокой колокольней, сооруженный в 1873–1881 гг. по проекту архитектора Шурупова. Собор, келейный корпус и многочисленные хозяйственные строения обители были обнесены столь же внушительной оградой из дикого камня. Этот монастырь, был призван распространять и

усиливать влияние религии среди крестьян, что отвечало и интересам самодержавия.

После революции монастырь ещё несколько лет существовал, а с упразднением в конце 20-х годов, его помещения использовались в хозяйственных целях совхозом, потом в них размещалась школа-интернат. Во время Великой Отечественной войны собор и другие строения были частично разрушены.

В 2003 году я уже посещал возрожденную обитель. Тогда собор был ещё в лесах, а в келейном корпусе и в трапезной, построенных в русском теремковом стиле, шли отделочные работы. Прошло шесть лет, и вот перед нашим взором – готовый, сверкающий белизной и чистотой монастырский комплекс. Кроме собора, в нём ничто не напоминает тех обшарпанных строений, в которых размещалась наша школа-интернат в конце 30-х годов. Узнал я и сохранившийся дом в Творожкове, в котором размещалось наше общежитие. Шесть лет назад я там видел даже крестный ход новых обитательниц обители по случаю праздника Святой Троицы, а в этот раз мы не могли войти в храм, двери были закрыты, шла подготовка к богослужению.

Я уезжал из обители со смешанным чувством. С одной стороны, приятно волновало само возрождение чего-то значимого и утраченного в жизни. А с другой, горечь оттого, что это дорогостоящее строительство ведётся на разорённой и опустошённой земле, на которой не только бывших зеленых полей и тучных стад, но и людей-то почти не осталось. Такой же великолепный белокаменный собор, недавно сооруженный при содействии властей, я видел в Стругах Красных. И мне подумалось: вот бы такое внимание власти уделили возрождению сельского хозяйства в районе на современном уровне, строительству школ, больниц, средств связи, дорог и многого другого, в чём так сегодня нуждаются обездоленные селяне.

Душевная боль не проходила с приближением нас к конечной цели поездки – Старому Заречью. Напротив, она усиливалась с каждым километром пути. Особенно больно было смотреть на заброшенные и заросшие кустарником и дикой травой уголья бывшего совхоза «Вперёд», обшарпанные и разваливающиеся хозяйственные постройки и когда-то радовавшие глаз двухэтажные дома из белого кирпича, в которых жили семьи рабочих, провалившиеся крыши и заколоченные окна пустующих индивидуальных домов.

А ведь ещё 15–20 лет назад я видел здесь совсем другую картину. После изгнания немецких захватчиков стружане совершили поистине трудовой подвиг. За короткий срок они при помощи государства не только восстановили, но подняли на новый уровень всю экономику, медицинское обслуживание, школьное образование, строительство жилья, дорог, домов культуры. В деревни провели электричество и телефон, улучшались условия для досуга и отдыха трудящихся. Кстати, в эту поистине самоотверженную страду внес свою лепту и мой отец Чихачёв Иван Прокофьевич. Вернувшись с фронта инвалидом после ранения, он несколько лет трудился на посту председателя колхоза в Старом Заречье. При нём в 60-е годы колхоз вошёл в состав соседнего совхоза «Вперёд».

Меня, как земляка, всегда особо интересовали дела и успехи тружеников этого предприятия. В Стругокрасненском районе оно считалось одним из передовых. Так вот, к концу 80-х годов прошлого столетия, т.е. к началу горбачёвской перестройки общая площадь его сельхозугодий составляла 5,1 тыс. гектаров. Из них пашня занимала 3,2 тыс. га., сенокосы – 1,2 тыс. га. В совхозе было 1430 голов крупного рогатого скота, в т.ч. 735 коров, 7700 свиней. В хозяйстве широко внедрялись передовые методы производства. В частности, пять подразделений из шести работали на подряде.

Создавались и безрядовые звенья. Одно из таких звеньев, состоящее из семи механизаторов и возглавлявшееся Э.Г. Лайфом, на 773 гектарах выращивало зерновые и кормовые культуры, картофель. В 1986 г. звено получило по 23,5 центнера сена многолетних трав, 186 центнеров однолетних трав на зелёный корм и 132 центнера силосных культур с одного гектара. Затраты на производство валовой продукции на сто рублей при плане 15 рублей 40 копеек составили 12 рублей 90 копеек. Такая работа и обеспечивала рентабельность совхоза и рост заработков рабочих. В звене Лайфа доплата на каждый рубль основной зарплаты составляла 1 рубль 35 копеек.

В совхозе велось интенсивное жилищное и хозяйственное строительство. Ежегодно рабочие и специалисты получали до 19 новых квартир. В 80-е годы в центральной усадьбе были построены большой механизированный телятник на 400 голов, Дом культуры, современный универсальный магазин и несколько других объектов. В Старом Заречье возвели огромный сушильный корпус.

И ещё об одном важном феномене вспоминаю – о вековой дружбе жителей нашего края. В том же совхозе «Вперёд» кроме русских проживали и работали латыши, литовцы, эстонцы, финн и др. Недалеко от совхоза существовала целая эстонская деревня – колхоз «Уус кюля» («Новая жизнь»). Заключалось много смешанных браков. Например, в нашей родне были представители литовского, польского, финского, армянского народов. Жили в атмосфере взаимного уважения, совместно рожали и растили детей и понятия не имели о какой-то там ксенофобии.

Всё это я рассказываю, чтобы на примере этого совхоза показать: никакого развала сельского хозяйства при советской власти на самом деле не было, а разговоры на эту тему Горбачева, Ельцина, Гайдара и иже с ними понадобились для оправдания их предательского курса на реставрацию капитализма в стране.

А вот и отчий дом...

За этими грустными размышлениями не заметил, как въехали в Старое Заречье. Проехали вросший в землю и не подающий признаков обитания пятистенник покойных дяди Вани и «матки» Дарьи, объехали любимую в детстве гору Крестки со сползшим с её вершины огромным камнем-валуном (дело рук дорожников, добывавших

здесь гравий), миновали заброшенный механизированный сушильный ангар и, повернув налево, подкатили к родительскому домику. Навстречу выбежала обрадованная нашим приездом сестра Таня и с ходу повела гостей знакомить со своей дачей.

Радовали зреющими плодами яблони и ухоженные грядки огорода, добротные теплицы с помидорами и огурцами. Рядом – новенький сарай для дров и гараж. Бросилась в глаза и современная крыша дома под черепицу. Для Заречья это ново. Сделано всё зятем Валерием. А внутри дома меня вновь взволновало нетронутое временем убранство, допотопный скрипучий стол и резное кресло, сотканые мамой половики и спитые ею яркие лоскутные коврики. Со стен глядят строгие лица портретов матери и отца, улыбающиеся физиономии ещё молодых сестёр и младшего брата. А в обоих красных углах светятся неярким светом две божницы с образами. Рядом с той, что в первой комнате, висит портрет нашей бабушки Серафимы в полный рост, сфотографированной, когда ей исполнилось 100 лет.

До обеда повидался с братом Алексеем и его женой Зоей, вручил подарки. Отметим встречу. Они тоже давно перешагнули 70-летний порог. Не мог не нанести визит и двоюродной сестре Екатерине, которая каждый год на всё лето приезжает в Заречье из Петербурга. Мы дружили ещё в детские годы. О её драматической судьбе и настоящем материнском подвиге можно было бы написать роман или повесть.

Перед самой войной 14-летняя ленинградская школьница Катя с шестью своими братишками и сестрёнками приехала к бабушке в Заречье на летние каникулы. Внезапно началась война, и обратно уехать не смогли: дорогу перекрыли немцы. Так Катя и все приехавшие с нею дети вместе с бабушкой и семьей моих родителей оказались на захваченной врагом территории и пережили жестокую фашистскую оккупацию.

Когда в феврале 1944 года наши войска освободили Струги Красные, Катя вернулась в Ленинград к родителям и пошла работать в эвакогоспиталь, развёрнутый в больнице имени Мечникова на Пискаревке (рядом с Братским кладбищем). Там в июле 1944 года она узнала на носилках своего «крёстного» – моего раненого отца, поступившего с Ленинградского фронта, и оставалась рядом с ним в течение всего периода его лечения.

Как я уже рассказывал, после госпиталя отец был по инвалидности демобилизован и вернулся в свою деревню. А Катя вскоре после войны вышла замуж за хорошего парня Сашу Серова, с которым прожили душа в душу почти 50 лет и родили двух дочерей.

К сожалению, жизнь их с первых же лет омрачило большое несчастье. Из-за родовой травмы первая дочь Галочка осталась неизлечимым инвалидом. Отдать её в НИИ АМН Катя категорически отказалась. И вот уже 52 года мужественно и стойчески несёт тяжкий крест, ухаживая за дочерью. Конечно, пока был жив и здоров, ей помогал нести этот крест муж. Но потом тяжело заболел, ему

ампутировали ногу, и он стал калекой, а не так давно умер. Теперь помогает, как может, сын её младшей дочери Татьяны, педагога с университетским образованием, работающей в Петербурге директором средней школы.

Катя обрадовалась моему неожиданному появлению, долго не отпускала из объятий, тут же пригласила на веранду к столу. Позвала гостившую в те дни у неё дочь Татьяну, и мы за чашкой душистого чая поведали друг другу про своё пенсионерское житьё-бытьё. По традиции «пропустили» и по чарочке коньячку по случаю столь приятной встречи.

Вечером Таня устроила прекрасное застолье перед нашим отъездом. На прощанье я похвалил её за хорошее содержание родительского дома, который мы ей завещали после смерти матери. На фоне большинства обветшалых и пустующих домов или развалюх (вроде той, что досталась Шуре Васиной от раскулаченного деда) наш домик выглядит неплохо.

Уже в ночь мы все на двух машинах выехали в Струги Красные. На следующий день нас ждала длинная дорога в Москву.

Верность Отечеству (Вместо послесловия)

Заканчивая свои воспоминания и скорее ностальгические, нежели оптимистические раздумья, хочу обратиться к нашим внукам и правнукам, а значит и к будущим поколениям... Вам предстоит осмыслить и оценить всё, что произошло в нашей Отчизне за прожитые нами великие и полные драматизма годы. Постарайтесь не слишком строго судить своих отцов и дедов. Мы сделали немало ошибок, во многом заблуждались на нелёгком пути. Но ещё больше доброго и славного совершили для вас ваши предки. Помните об этом, наши любимые и дорогие потомки.

Не хочу оправдывать ошибки и заблуждения, как это делал бывший ельцинский премьер-реформатор, а потом незадачливый дипломат В.С. Черномырдин, невразумительной фразой: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда». Позволю себе привести знаменитое высказывание другого российского дипломата и великого поэта Ф.И. Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.

Да, мы верили. И верим. Верим в Российское наше Отечество, в наш великий народ, в нашу власть, в наших национальных лидеров и вождей.

Верят в Россию и за рубежом. Да, верят, считаясь с её несметными богатствами и могуществом, с её воинской славой и несокрушимостью, с её ядерной мощью, гарантирующей мир на нашей планете. Мне кажется, что эта великая вера в Россию, пусть даже

не постигаемая умом и глубоко не осознанная, вселяет в людей чувство уверенности и оптимизма, а наших недругов, озабоченных претензиями на мировое господство, удерживает от агрессивных поползновений.

Хочется напомнить молодому поколению мудрые слова и других классиков русской литературы. Размышляя о патриотизме, о любви к Отечеству, И.С. Тургенев сказал: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись; горе тому, кто это думает, двойное тому, кто действительно без неё обходится». М.А. Шолохов восклицал: «Милая светлая Родина! Вся наша безграничная сыновья любовь – тебе, все наши помыслы – с тобой». Выраженная в этих словах горячая любовь к своей Родине – России вдохновляла русских воинов, громивших врагов на Куликовом поле и на Чудском озере, при Бородино и в битвах Великой Отечественной войны. Это чувство формируется и воспитывается в человеке с детских и юношеских лет, и главную роль в этом играют семья и школа.

Защитники веры, царя и Отечества

Старые фотографии учат нас не забывать о жизни ушедших от нас людей и помогают оживить их образы. Мой хороший знакомый из Струг Красных Андрей Викторович Московченко, детство и юность которого прошли в деревне Горушка Марьинской волости, как-то раз показал две чёрно-белые фотографии из семейного альбома. На меня смотрели ратники ополчения, уроженцы Стругокрасненской земли, ставшие в годы Первой Мировой войны на защиту нашего Отечества. Один из них оказался прадедом Андрея Викторовича по маминей линии, и звали его Михеем Лазаревичем Лазаревым. Другой приходился зятем Михею Лазаревичу, он был мужем его родной сестры Ксении Лазаревны Лазаревой (в замужестве Жемчуговой), и звали его Андреем Афанасьевичем Жемчуговым. Впоследствии, в 1930-е годы у обоих сложились трагические судьбы.

Михей Лазаревич Лазарев родился в 1872 г. в дер. Раменье Лудонской волости Лужского уезда, в старообрядческой семье. Известно, что он имел очень крепкое крестьянское хозяйство, избирался волостным старшиной. У Михея Лазаревича с женой родились восемь детей: Галина, Евгения, Егор, Григорий, Вера, Агафья, Любовь и Иван. У Лазаревых в Раменье был двухэтажный деревянный дом, два хлева для скота, гумно, рига, сеной сарай. Имелось 18 га земли, четыре коровы и две лошади. После окончания Первой Мировой войны Михей Лазаревич вернулся домой и работал в своём хозяйстве. Между 1925 г. и 1930 г. умерла его жена, её похоронили на Букинском старообрядческом кладбище, над её могилой и сейчас стоит железный литой крест. До 1930 г. Михей Лазаревич держал свою валяльную мастерскую, приобщил к этому делу своего старшего сына Егора Михеевича. Например, в 1930 г. они сваляли и продали в Ленинград 200 пар валенок.

Но тут эпоха НЭПа закончилась, и закончилась трагически, началась «чистка» среди зажиточных крестьян и частных торговцев. В марте 1931 г. Егор Михеевич Лазарев вступил в своей родной деревне в колхоз «Путь к мелиорации», к этому времени он уже являлся главой семейства, ведь отцу уже было под 60 лет. Но это семью Лазаревых не спасло, в июне 1932 г. их, как кулаков, лишили избирательных прав, а хозяйство раскулачили, забрали всё: и землю, и скотину, и весь сельхозинвентарь. В 1935 г. десятерых членов семьи Лазаревых, включая Михея Лазаревича, его сыновей Егора и Ивана,

дочерей Агафью и Любовь, невестку Екатерину Фёдоровну и четырёх внуков, выселили в Свердловскую область, в город Карпинск, где в то время шла разработка угольных копей.

Михей Лазаревич Лазарев умер на чужбине, там же и похоронен. Его дочери вышли замуж и жили в Карпинске, Агафья Михеевна после войны даже приезжала в деревню Раменье в гости к родственникам. Сын Иван Михеевич Лазарев после войны переехал с семьёй в Казахстан, в г. Целиноград. Дочь Вера Михеевна Лазарева (1912 – 1997) ещё в марте 1935 г. вышла замуж в деревню Букино за Александра Фотеевича Семёнова, который считался тогда одним из лучших работников в колхозе «Букино»: был хорошим плотником и специалистом по агрегатным сельхозмашинам, умело работал на жатке. В годы войны Вера Михеевна потеряла мужа, в 1947 г. она с детьми переселилась в деревню Горушка, работала на полевых работах и в животноводстве в колхозах «Красное Исаково» и «Пламя», а потом в отделении Перехожа совхоза «Авангард», после пенсии жила в Горушке. Её старшая дочь Мария Александровна Московченко (1936 – 1997) вышла замуж за Виктора Петровича Московченко (1938 – 1989), который служил танкистом во Владимирском Лагере, а потом работал шофёром в районном объединении «Сельхозтехника». Они тоже жили в Горушке, Мария Александровна работала в совхозной бригаде. Александр Фотеевич Семёнов похоронен на Букинском кладбище, а Вера Михеевна Лазарева, её дочь Мария Александровна Московченко и зять Виктор Петрович Московченко – на Ольгинском кладбище в Стругах Красных.

Андрей Афанасьевич Жемчугов родился в 1877 г. в деревне Новоселье (с 1979 г. – часть деревни Лудони) Лудонской волости Лужского уезда, в старообрядческой семье. Его отец Афанасий Харитонович Жемчугов (1861 – после 1934) был крупным торговцем, держал свою хлебопекарню, его жену звали Марией. Жемчуговы имели двухэтажный дом, два хлева для скота, гумно, ригу, 3 га земли и сад на 70 яблонь. В их хозяйстве были две коровы, лошадь, овцы и 13 семей пчёл. Старший сын Андрей Афанасьевич женился на Ксении Лазаревне Лазаревой (1874 – ок. 1955) из деревни Раменье, сестре Михея Лазаревича Лазарева, у них родились дочери: Александра, в 1905 г. – Зинаида, в 1911 г. – Анна и в 1912 г. – Екатерина. В 1914 г. Андрей Афанасьевич Жемчугов ушёл на фронт. На обратной стороне одной из сохранившихся фотографий Андрей Афанасьевич написал с фронта своему младшему брату Григорию небольшое послание, которое, после исправления орфографических ошибок звучит так: «Любезному дорогому братцу Грише спешу послать своё братское почтеньице. Милый Гриша, я хочу уехать на маслену (масленичную неделю – *А.Е.*) домой, только не знаю как. 1915-го 29 января». Отвоевав на фронтах Петровой Мировой войны, Андрей Афанасьевич вернулся домой и жил со своей семьёй в доме отца и матери. До 1929 г. Жемчуговы на пекарне пекли хлеб, булки и баранки для кооперации и опекали хлебом расположенный между Лудонями и Веленями военный аэродром.

В 1931 г. Жемчуговых, как кулаков, обвинили в использовании наёмного труда, лишили избирательных прав и обложили твёрдым заданием, а хозяйство раскулачили. В 1932 г. Андрея Афанасьевича выслали за пределы Струго-Красненского района. В 1934 г. он вернулся домой, но в этом же году умер, а ведь ему было всего 57 лет, похоронили Андрея Афанасьевича на Букинском старообрядческом кладбище. Его дочери Анна Андреевна и Екатерина Андреевна вышли замуж и жили в Ленинграде. Сын Екатерины Андреевны – Леонид Константинович Зверев с супругой сейчас живут в Санкт-Петербурге, в деревне Княжицы они имеют дачу. Старшая дочь Андрея Афанасьевича – Зинаида Андреевна Жемчугова (1905 – 1994) вышла замуж в деревню Букино за Ивана Марковича Маркова (1905 – 1956). У них родились пятеро детей: Надежда, Елена, Павел, Пётр и Варвара. В 1932 г. они забрали к себе в Букино маму Зинаиды Андреевны – Ксению Лазаревну Жемчугову. В 1941 г. Иван Маркович ушёл на фронт, был миномётчиком, участвовал в обороне Ленинграда, в штурме Берлина, имел ранение, в 1945 г. был награждён медалью «За отвагу». В 1947 г. семья Марковых переселилась в деревню Горущка. Иван Маркович возглавлял до 1950 г. колхоз «Красное Исаково», потом они вместе с Зинаидой Андреевной работали в колхозе «Пламя». Оставшись одна, Зинаида Андреевна Маркова работала в полеводстве и в животноводстве в отделении Перехожа совхоза «Авангард», после пенсии жила в Горущке, в последнее время зимой жила у дочери Елены Ивановны Дувакиной в Пскове. Зинаида Андреевна Маркова вместе с мужем Иваном Марковичем и матерью Ксенией Лазаревной похоронены на Лаптевском старообрядческом кладбище около деревни Радежа.

У младшего брата Андрея Афанасьевича – Григория Афанасьевича Жемчугова (1893 – ?) тоже сложилась трагическая судьба. Четыре года он воевал на фронтах Первой Мировой войны. Потом женился, в 1921 г. отделился от хозяйства отца, с женой Марией Ивановной, которая была 1900 г. рождения, у Григория родились дети: в 1919 г. – Нина, в 1922 г. – Григорий, в 1928 г. – Лев, в 1932 г. – Алексей и в 1937 г. – Раиса. У них был свой собственный дом, амбар и доставшийся от отца яблоневый сад. В 1931 г. Григорий вступил в родной деревне в колхоз «Красное поле», но в том же году, как сына крупного торговца, его оттуда исключили, забрали всё имущество в колхоз и лишили избирательных прав. Потом, чтобы прокормить семью, Григорий уехал на заработки в Ленинград. В 1932 г. власти, не смотря на конфискованное имущество, обложили его непосильным твёрдым заданием.

В 1932 г. Григорий Афанасьевич обратился сначала в сельсовет, а потом в Ленинградский областной Исполком с ходатайством о снятии с него твёрдого задания и отмене решения о лишении голоса. Эти просьбы были для Григория криком о помощи к высшим советским инстанциям, которые так и не были услышаны, и их стоит озвучить: «Описываю своё положение. До революции работал у отца в пекарне как работник. В 1914 г. взяли на войну, служил рядовым до 1918 г. Пришёл по демобилизации, пробыл дома до

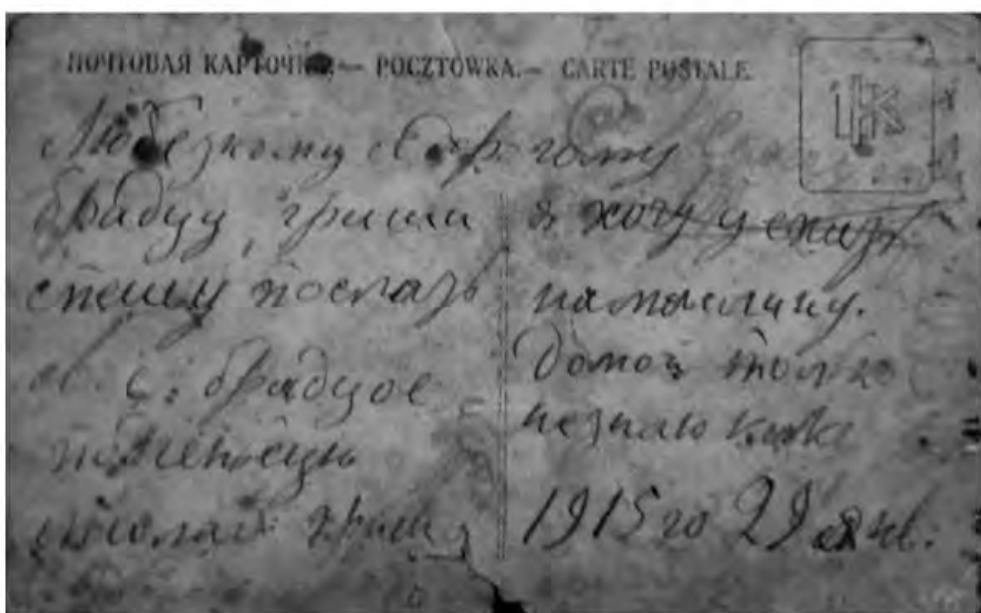

1920 г. В 1920 г. ушёл в Красную армию, послужив до 1921 г. Отец Афанасий Жемчугов меня отделил, дав одну корову и старую лошадинку... Работал 4 года подряд на лесозаготовках за Лугой и на Полигоне. После этого работал в Стругах Красных в булочной 1 год. Впоследствии был председателем Поселкового Товарищества. После в 1930-31 гг. был заготовителем от Струго-Красненского Райпо при магазине № 1. В 1931 г. вступил в колхоз «Красное поле» в своей деревне. При чистке осенью 1931 г. вычистили из колхоза, как сына торговца, но я торговлей не занимался, кроме как со своего сада в 60 яблонь, и то продавала жена яблоки на базаре в Стругах Красных. С осени 1931 г. по 1932 г. работал в Ленинграде на деревообделочной фабрике, после чего явился домой, и председатель Лудонского сельсовета Сергеев предложил мне вступить в колхоз. Я ответил, в колхоз не пойду, потому что уже раз вычистили... С этого и началось. Твёрдое я выполнить не могу, потому что у меня с колхоза не возвращено ничего, всё осталось в колхозе. В настоящее время работаю в Струго-Красненском коопсельхозе «Холохино» и дома имею жену и 3-х малолетних детей, одну корову и сад около 60 яблонь. Семья голодает, потому что нет земли, ни лошади, ни инвентаря, нет никакого посева и не было, посев остался тоже в колхозе. Прошу вашего расследования на месте, просьба поскорее, а то уберут последнее и пострадаю ни за что». Второе обращение тоже заканчивается драматичными словами: «Погибает семья, нет детям пропитания».

Разбирательство по ходатайству Григория Афанасьевича Жемчугова тянулось до 1934 г., но в итоге ему было во всём отказано, а сад был передан колхозу «Красное поле». После этого семью Григория и Марии Жемчуговых выселили под Новгород, там у них в 1937 г. родилась ещё одна дочь Раиса. В полугодовалом возрасте Раису передали на воспитание маминой родной тётке, которая жила в деревне Новоселье. Примерно года через два Григорий Афанасьевич умер, там же, под Новгородом, его и похоронили. Как только началась война, Марию Ивановну с детьми эвакуировали в Татарию, на станцию Шемордан. Мария Ивановна Жемчугова умерла в Татарии ещё до окончания войны. Сын Григорий Григорьевич Жемчугов ушёл на войну, он погиб на Калининском фронте 21 апреля 1942 г. Дочь Нина Григорьевна вышла замуж, после войны она жила с мужем в посёлке Горелово под Ленинградом, умерла в 1981 г. Сын Алексей Григорьевич жил в Ленинграде, умер около десяти лет назад. Раиса Григорьевна Жемчугова (в замужестве – Яровая) окончила техникум лёгкой промышленности, работала в Каунасе, на Севере, в 1961 г. вернулась в родную деревню Новоселье, работала заведующей клубом, партторгом в совхозе «Молодецкий», в межколхозном лесхозе. Сейчас в Лудонях также живёт её дочь и внучка Григория Афанасьевича Жемчугова – Любовь Станиславовна Бубнюк. Раиса Григорьевна рассказала, что пекарня её деда Афанасия Харитоновича Жемчугова находилась там, где сейчас стоит пустующее здание столовой райпо в Лудонях, а последние сухие яблони из бывшего Афанасова сада были спилены всего несколько лет назад.

*Ратники ополчения на фронте Первой Мировой войны.
Крайний справа в верхнем ряду: Андрей Афанасьевич Жемчугов,
крайний справа в нижнем ряду: Михей Лазаревич Лазарев. Фото 1915 г.*

*Оборотная сторона фото 1915 г.
Послание Андрея Афанасьевича Жемчугова брату Григорию*

*На фронте Первой Мировой войны.
Крайний слева: Андрей Афанасьевич Жемчугов,
внизу сидит: Михей Лазаревич Лазарев. Фото ок. 1915 г.*

*Жена Михея Лазаревича
Лазарева с сыном Иваном.
Фото ок. 1925 г.*

*Ксения Лазаревна и
Андрей Афанасьевич
Жемчугов.
Фото ок. 1931 г.*

*Андрей Афанасьевич
Жемчугов и Ксения Лазаревна
Жемчугова с внуками,
сверху их дочери:
Анна, Александра и
Екатерина.
Фото ок. 1931 г.*

*Иван Михеевич Лазарев с семьёй.
Целиноград, 1950-е гг.*

*Двоюродные сёстры Вера Михеевна Лазарева и Зинаида Андреевна Маркова.
Горушка, 1950-е гг.*

*Зинаида Андреевна Маркова,
дочь Андрея Афанасьевича Жемчугова*

*На полевых работах.
Крайняя справа: Вера Михеевна Лазарева,
вторая слева: Мария Александровна Московченко.
Горушка, 1980-е гг.*

Букинское старообрядческое кладбище. Фото 2016 г.

*Могила жены Михея Лазаревича Лазарева
на Букинском старообрядческом кладбище.
Фото 2016 г.*

Состояние и развитие «дачной промысел» в районе станции Белая (Струги Белая) Лужского уезда С.-Петербургской губернии в конце XIX-начале XX века

В пьесе Антона Павловича Чехова «Вишневый сад» есть такой момент. Чтобы избежать продажи имения с торгов Лопахин предлагает Раневской, единственный выход – разбить землю на участки и отдать их в аренду дачникам. Здесь выдающийся русский драматург подметил новое явление в жизни российского общества – появление загородных дачных участков для летнего отдыха. Пройдя определенные этапы развития, этот процесс охватывал всё более удаленные от крупных городов территории.

В 1880-1890-х годах происходит «дачная эмиграция петербуржцев» по линиям железных дорог. Дачник покидает ближайшие окрестности – Черная речка, Шувалово, Озерки и устремляются в южном направлении по Варшавской железной дороге- Гатчина, Луга и далее. Открытие новых дачных местностей влечет развитие сельских мест губернии и в конце XIX – начало XX века «дачный промысел» уже была значимой для территории Лужского уезда. Само понятие «дачный промысел» является условным, мы встретили его в «Памятной книжке Петербургской губернии» 1905 года, и подразумеваем под ним всю совокупность отраслей, видов деятельности, источников дохода, на которые оказывали влияние «дачники». Под «дачниками» мы будем понимать лиц приезжавших с целью отдыха на длительный период (до месяца и более) на изучаемую территорию.

Условия и формы развития «дачного промысла» в районе станции Белая (Струги-Белая) и Лужском уезде. Основные условия, способствовавшие развитию «дачного промысла» в районе станции Белая (Струги Белая) и в Лужском уезде в целом

В 1880-1890-х годах происходит «дачная эмиграция петербуржцев» по линиям железных дорог. Дачник покидает ближайшие окрестности- Черная речка, Шувалово, Озерки и устремляются в южном направлении по Варшавской железной дороге- Гатчина, Луга и далее.

Открытие новых дачных местностей влечет развитие сельских мест губернии. «Дачная отрасль доставляет крестьянам значительный доход не только от сдачи в наем самого дома или избы, но и от сбыта ... по сравнительно высокой цене различных продуктов – молока, молочных скопцов, яиц, овощей, грибов, ягод; от возки дачников на станции, от разнообразных услуг – носки воды и дров, стирки белья, перевозки мебели и т.п.», так описаны основные составляющие дохода крестьянам от «дачного промысла».

В своем путеводителе В.К. Симанский пишет: «Несмотря на дальнейшее расстояние от столицы, многие здешние деревни почти всё летнее время бывают переполнены дачниками... Природные условия здесь прекрасны - совершенно деревенские, без всякой петербургской искусственности, содержание дешево». Отсюда видно, что данные территории привлекают столичных жителей возможностью смен обстановки с городской на деревенскую и дешевым содержанием.

Тот же автор отмечает: «Обе стороны полотна Варшавской железной дороги в Санкт-Петербургской губернии, вообще немного представляют любопытного для взора путешественника: повсюду однообразие - равнинность почвы, изрытой кочками и зачастую ниспускающиеся ниже уровня воды, тощая и бедная растительность, отсутствие значительных селений и поселков – всё это... мало и ненадолго останавливают внимание туриста».[12] Окрестности станции Белая выделяются большим количеством песчаных холмов и небольших озёр, соответственно: «немногие привлекательные местности в это стороне избираются петербуржцами для дачного времяпровождения весьма охотно».

Ещё одним важным фактором развития «дачного промысла» стало появление железной дороги, это значительно упростило поездки сюда из Санкт-Петербурга, например в 1908-1909 гг. ежедневно из Санкт-Петербурга на станцию Струги Белая приходило 10 поездов (14.44; 15.47; 18.52; 23.26; 00.58; 1.31; 2.20; 2.29; 5.16; 6.08), и со станции Струги Белая на Санкт-Петербург так же уходило 10 поездов (1.02; 2.13; 4.09; 4.31; 4.54; 5.40; 9.56; 12.32; 15.07; 16.50). Время в пути в зависимости от количества остановок было различно и составляло от 4 часов 17 минут до 6 часов 57 минут.

Таким образом, развитие «дачного промысла» в районе станции Белая и в Лужском уезде в целом было вызвано потребностью жителей Петербурга в летнем отдыхе. Особенно активно дачная жизнь развивалась вдоль железных дорог и территорий, способствующих отдыху – там где имелись возвышенности, реки и озера для купания. Ещё одним фактором стало бедность местного населения, которое сбывало продукцию и оказывало услуги за небольшую плату.

Изучение стоимости и предложения дач в зависимости от удаления от города Луги

Данные из «Дачного путеводителя...» позволяют оценить стоимость дач в зависимости от удаления от уездного города Луги (приложение I). Стоимость дач в городе Луга и ближайших пригородах является максимальной. Широкий диапазон цен на дачи позволяет говорить о наличии предложений ориентированных на разный уровень дохода дачников и определенном уровне развития дачного промысла.

По мере удаления от Луги цены понижаются, предложения становятся менее разнообразными. Исключение составляет станция Струги Белая, где дачи стоили от 80 рублей, а цены были «городские» (имеется ввиду город Луга). Скорее всего этому способствовало кроме развитой транспортной инфраструктуры и живописной природы с большим количеством озер создание в 1903 году артиллерийского полигона и лагеря полков 24-ой пехотной дивизии. «В «Обзоре Санкт-Петербургской губернии за 1912 год» отмечалось: «Особенно выделяется необычный рост дачного населения у станции Струги Белые Варшавской железной дороги в Лужском уезде, что связано с ростом Владимирского лагеря, где летом располагалось несколько пехотных и кавалерийских полков, а также артиллерия из Петербурга и Пскова». Аналогичный полигон был устроен рядом с городом Луга.

Аренда дач в Соседненской, Яблонецкой и Лудонской волостях в конце XIX века

В Таблице 2 (приложение II) представлены случаи сдачи дач в аренду в ближайших к станции Белая волостях. Мы выявили 16 случаев сдачи дач в аренду в Яблонецкой, Лудонской, Соседненской волостях. Затем уточнили их положение по карте, это удалось в 15 случаях. Необходимо отметить, что статистическое обследование земством частновладельческого хозяйства в Лужском уезде проводилось для уточнения налогообложения поэтому учет доходов от сдачи в аренду помещений под дачи говорит о распространенности этого явления. С другой стороны часть владельцев могла скрыть этот источник дохода от обследования. Несмотря на это можно сделать некоторые выводы.

На станции Новоселье дачи сдаются в основном крестьянами за небольшую плату, в среднем около 50 рублей. Исключения составляет дачи местного крестьянина Яковлева, которые предлагаются за 150 рублей. Дачи Киришбаумов, Дмитриева, Лазарева-Станищева, Скрыдловой и Штрика расположены по берегам озера Щир и предлагаются за более высокие суммы от 100 до 200 рублей. К этим дачам можно отнести и Срезневских, чье имени находилось на берегу озера Барское (Плотишно). Дача генерала Васильева находилась недалеко от станции Белая, возможно недалеко от озера. Дача Степанова находилась рядом с железной дорогой и озером.

Дача фельдфебеля Васильева находилось на шоссе Петербург-Псков. Можно сделать вывод, что обязательным условием для развития дачного промысла было хорошая транспортная доступность. Наличие рядом озера значительно повышало стоимость дачи. Структура источника не позволяет проследить зависимость цены дач от степени их благоустройства.

Сдача в аренду земельных участков для строительства дач на примере имения Ю.И. Броневского

Кроме сдачи в аренду непосредственно дач практиковалась сдача в аренду земельных участков, для строительства «дачных помещений». Наиболее подробно можно изучить условия сдачи земельных участков под дачи в аренду на примере имения Юлиана Ивановича Броневского, располагавшегося недалеко от современной станции Владимирский Лагерь.

Имение было приобретено в 1887 году за 15 тыс. рублей состояло из одного участка. Всего в имении было 2250 десятин (2453 га) земли, но из них только 3,5 (3,8 га) пахотной и 0,5 (0,55 га) – усадебной. Остальная земля была под лесом и «разными угодьями» причем большая часть земли 1800 десятин (1962 га) «под порослью, кустарниками и вырубкой», только 396 десятин (432 га) было занято строевым и дровяным лесом.

Из построек имелся дом для владельца и администрации, дом для рабочих, конюшня на 8 голов, амбар, сарай и «прочая» постройка.

Из этого числа в 1891 году 50 десятин (55 га) разных угодий сдавалось в аренду 2-м поселенцам на 5 лет за 75 руб в год и 3,5 десятин (3,8 га) пашни крестьянам за долю в продукции.

Скорее всего Юлиан Иванович первоначально планировал развивать в своем имении сельское хозяйство. Это видно из того, что он стал одним из учредителей Товарищества Бельских сельских хозяев в 1898 году. В более поздних отчетах его имени нет.

В начале 20 ого века он разделил свое имение на участки, которые стал предлагать в аренду «под устройство дачных помещений». Сохранились отпечатанные в псковской «Типографии губернского правления», «с разрешения Губернского начальства» «Условия для отдачи в арендное содержание земельных участков под устройство дачных помещений на даче Леоново по С.-Пб.-Варш. ж.д. платформы Броневского».

Договора предполагалось заключать в письменной форме сроком на 12 лет. Арендная плата вносилась за год вперед до 1-ого апреля. В обязанности арендатора входило:

- огородить участок «прочную» изгородью и поддерживать её «в совершенно исправном виде»;
- за 2 года возвести дом не менее 12 квадратных сажени (55 кв.м)

и сарай не менее 4 квадратных сажень (18 кв.м), постройки могли возводиться из камня, кирпича или дерева, крытые любым материалом кроме соломы, при возведении должны соблюдаться требования строительного, пожарного, железнодорожного и других уставов, обязательных постановлений Губернского Земского Собрания;

- содержать в «исправности и чистоте» грунтовую дорогу, лежащую между участками, ширина дорожной полосы принимается за 5 сажень (10,5 м) или половину расстояния до противоположного участка;
- кроме арендной платы арендатор обязан платить все государственные, земские, волостные и иные установленные законом сборы, относящиеся к данному участку;
- осуществлять регулярно чистку дымовых труб, мусорных ям и отхожих мест, причем отхожие места и мусорные ямы «должны быть снабжены приспособлениями совершенно ограждающими почву от загрязнения».

Арендатор может с согласием владельца возвести иные постройки, продлить договор еще на 12 лет. Арендатор мог вырубить деревья на трети своего участка, вырубка деревьев на остальной территории согласовывалась с владельцем.

Передача прав на участок другому лицу была возможна только с согласия владельца. При разрыве договора обязательные постройки (дом и сарай) и всё сделанные улучшения безвозмездно переходили к владельцу. Иные постройки могли быть снесены арендатора за свой счет, а участок приведен в полный порядок.

Мы не имеем информации о ценах на аренду данных участков, но данные условия выглядят достаточно жестко, фактически на арендатора возложены все обязанности по развитию данной территории, уплате налогов, поддержание санитарного и противопожарного состояния.

Иные случаи сдачи в аренду дач

Упоминания о дачах на берегу Щирского озера есть в воспоминаниях В.П. Семенова. «На восточной окраине земли, принадлежавшей крестьянам деревни Бровск, находился дачный участок интеллигенту Токаржевичу, близкому артистическому миру. Сам хозяин проживал в двухэтажном особняке, а четыре дачи, имевшие по три-четыре комнаты, сдавал в поднаем. Как -правило их снимали артисты петербургских театров. На летний сезон сюда приезжал известный в то время артист Качалов. Для него был оборудован большой помост, на котором он проводил репетиции своих ролей. Деревенские старожилы рассказывали, что им тоже разрешали присутствовать на этих концертах».

Токаржевич действительно был к артистическим кругам, был женат на одной из дочерей В.Ф. Лазорева-Станицева, после революции иммигрировал в Эстонию. Летняя эстрада имелась рядом с

деревней Бровск в усадьбе П.Л. Блока. В тоже время у нас нет данных о том, что Токаржевичу принадлежали земли.

В 1907 году было создано Бровское общество народных развлечений его целью стало «поднятие умственного и нравственного уровня местного населения», учредителями стали местные помещики, а для достижения цели общества «устраивало чтения, спектакли, открывала читальни, библиотеки и чайные и организовывало полезные развлечения для народа».

Кроме летнего отдыха в воспоминаниях В.П. Семенова отмечается большое количество гостей зимой на Рождественские праздники.

Ещё один отрывок из воспоминаний В.П. Семенова: «за границей земли адмирала Кладо в сторону деревни Выборово на южном берегу озера находился земельный участок с дачей художника Маковского, фасад которой выходил к песчаным озерным берегам. Дача Маковского утопала в зелени декоративных кустов и деревьев редких пород. Дачный участок был невелик, не более полутора-двух гектаров. На нем художник выращивал для себя овощные культуры. Имелся также небольшой фруктовый сад. Было много цветочных клумб». Маковский В.С. не имел собственных участков на берегу озера Щир, он либо арендовал дачу у Котельниковых или бывал в гостях у своих друзей Соколовских. Во время этих визитов были написаны как минимум две картины: «Утреннее приветствие»(приложение II) и «Портрет И.Е.Цветкова»(приложение IV).

В деревне Лог (Щир) ещё в детстве познакомились Галина Уланова и Татьяна Вячеслова. Последняя писала об этом в своих воспоминаниях, Улановы снимали дачу в Щиру не менее 6 лет.

Иные услуги, оказываемые местным населением дачникам

Представляют интерес следующие воспоминания местного жителя: «После появления железной дороги рядом выросли частные домики лиц связанных с железной дорогой телеграфистов, стрелочников, грузчиков, путейцев. Станция привлекала жителей столицы, которые любили отдыхать, поселок рос, как на дрожжах, без всякого плана. Потом появились церковь, открылись кабачки, трактир, еврейские лавочки.»

Примером развития инфраструктуры на станции Струги-Белая, является контора И.И. Макарова, которая занималась составлением и исполнением всевозможных чертежей, проектов и смет; производством землемерных, нивелировочных и плановых работ.

Перевозка людей и грузов от станции осуществлялось на лошадях. Труд извозчиков описан в ряде литературных произведений, вот как вспоминает свой приезд Юрий Галич:

Я помню день... Рукой умелой
Справляясь с парой вороных,
Ямщик катил меня от Белой...

Кроме путешествий на легке оказывались услуги по перевозке вещей от станции до дач. «За мостом стояли лошади, гнедая и рыжая. Золотились на солнце; гнедая опустила к ноге голову с ярко-лиловой гривой, и были сине-фиолетовые тени от вечерних отражений неба. Пахло лошадиным резким теплым запахом, дёгтем телеги, и ново зазвучал мягкий говорок на тихом воздухе. «Поднимай, Павел! Нет, сюды, сюды лучше ставь! Да подвинь гораже!» – «Ну, а мне думатца теперича повернуть!»»

«На заходящем солнце горели ярко очерченные оранжевым лица, укладывали вещи. «Ну, с Богом!» – Тронулись. Чухонская телега завизжала железом и захлябала по ухабам апрельской дороги.

Повернулись и отплыли назад избы станции». Это воспоминания Е.Г. Гуро о своем первом приезде на станции Леоново (Владимирский Лагерь).

Работа извозчиков не была лишена недостатков:

Возница, жаждавший похмелья,
Сказал, смеясь: «Вон Новоселье!...
Там, барин, важный есть кабак...»
Я обещал ему пятак.

Из этих отрывков мы видим, что услуги по перевозке на лошадях оказывались как специальными людьми – извозчиками которые могли вести пассажира примерно на 20 км без особого багажа ,при этом автор с одной стороны отмечает профессиональное умение с другой стороны указывает на определенное легкомыслие и безответственность.

Кроме того упоминается о наличии театров и мест досуга на станции Белая. В 1904 году после концерта в «местном театре» «заканчивавшегося, по обыкновению, танцами» организаторы мероприятия устроили «огненный дождь». В результате прическа одной из танцующих вспыхнула. Обращает внимание наличие «местного театра», где «по обыкновению» концерт заканчивался танцами.

Источники и литература:

Дачный путеводитель. Луга и её окрестности. Луга, Издание О.Ф. Луцевича, 1909,

Вечеслова Т.М. Я-балерина. Л-М.: Искусство, 1964.

Географо-статистический словарь Российско Империи. Том 5, 1885.

Гончаренко Ю.Вечерне огни.Стихи. – СПб, Типография А.Бенке,1907.

Гуро Е. Небесные верблюжата. Избранное. – СПб, Лимбус-Пресс, 2001.

Котельников В.Г. Выборово. Тип. В.Ф. Киршбаума,1898.

Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Выпуск XIII. Частновладельческое хозяйство в Лужском уезде, С-Пб, Типография Тренке и Фюсно, 1891

Отчёт о действиях Товарищества Бельских сельских хозяев за время с 6-го сентября 1898 по 1 августа 1899 года. СПб, 1899.

Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1914-1915 гг. СПб, 1914.

Памятная книжка С.-Петербургской губернии. Сост. Н.В. Шапошников. – СПб, 1905.

Россия: полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей: в 19 т. Т. 3. Озерная область: [Псковская, Новгородская, Петербургская и Олонецкая губернии]. СПб, 1900.

Симанский В.К. Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здоровья, С-Пб, Типография В. Войницкого и С. Корнатовского, 1892

Условия для отдачи в арендное содержание земельных участков под устройство дачных помещений на даче Леоново по С-П-Б. Варш.Ж.Д. Платформа "Броневского". Псков, Типография Губернского Правления

Устав Бровского общества народных развлечений. С-Пб. Типография В.Ф.Киршбаума, 1907.

Устав общества по благоустройству местности при станции Струги-Белая Сев.-Зап. жел. дор. Лужского уезда С.-Петербургской губернии. Луга, 1910.

Ефимов А.Н. Струги Красные: прошлое и настоящее – Псков, 2008.

Журавлёва Е. В., Владимир Егорович Маковский, М. Искусство, 1972.

Занозина В.Н. Былого счастья обзор... (Семейный досуг, праздники, развлечения в фотографиях и воспоминаниях конца XIX - начала XX вв.) – СПб.: Лики России, 2010.

Петров Г. В. Струги-Красные. Л., 1988.

Семенов В.П. По берегам Щирского озера в начале века и раньше //Струги, 14-21.09.1993

Фёдорова А.И. Щир: Исторический очерк о селе его окрестностях.- Струги Красные, 2014.

Художники Маковские. Альманах. Вып.216., Русский Музей, СПб: PalaceEdition-Graficart, 2008.

Константинова В.П. Балерины познакомились в Щиру//Струги 12.09.2001

Константинова В.П. Белая, Струги-Белая, Струги Красные//Струги 2.08.2008

Константинова В.П. Было в Выборово имение//Струги 9,11.09.2002

Константинова В.П. Маковские //Струги 11.07.2009

Константинова В.П. Скрыдловы//Струги 15.08.2009

Приложения

Приложение I. Таблица 1. Стоимость дач в Лужском уезде³

№	название	расстояние от Луги (верст)	цены на аренду дачи (за лето)	примечания
1	город Луга	0	дача 80-100; гостинница 50 коп	дача 2-3 комнаты
2	Шалово	1	дача 100-775; мебелированная изба от 25	
3	Заклинье	3,5	дача 200-600; мебелированная изба 25-100	
4	Турово	6	дача 150-775;	крестьяне не предоставляют мебель, цены за помещения "очень ничтожны"
5	Естомицы	3	дача 150-280; крестьянские избы за "небольшую плату"	
6	Слапи		изба без мебели 20;	избы малы и без удобств
7	Серебрянка	18	крестьянские избы 20;	
8	Плюсса	48	дача 30-40;	3 комнаты с мебелью и отоплением
9	Струги-Белая	70	дачи от 80;	цены городские

Приложение II. Таблица 2.

Аренда дач в Яблонецкой, Лудонской и Соседненской волостях⁴

№	название	владелец	кол-во	цены на аренду дачи суммарно за лето	примечания по источнику	особенности положения
1	мыза Федоркова	Штейн Е.Е., жена Лифляндского уроженца	1	50		не определено
2	станция Новоселье	Сидоров А, крестьянин Гдовского уезда	2	60		ж/д станция

³ Таблица составлена автором по материалам книги Луцевич О.Ф. Дачный путеводитель. Луга и её окрестности

⁴ Данная таблица составлена автором на основе издания Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Выпуск XIII. Частновладельческое хозяйство в Лужском уезде, С-Пб, Типография Тренке и Фюсно, 1891

3	станция Новоселье	Степанова Я., крестьянка Гдовского уезда	1	36		ж/д станция
4	станция Новоселье	Яковлев Т. Местный крестьянин	2	150		ж/д станция
5	мыза Залазы (Пламя)	Степанова В.И., дочь капитана	2			рядом ж/д, озеро
6	деревня Лог (Щир)	Дмитриев К.В., местный крестьянин	2			почтовый тракт Гдов - Белая, берег озера Щир
7	мыза Загорье	Киришбаум В.Ф., губернский секретарь	1	150		берег озера Щир
8	деревня Щир	Лазарев- Станицев В.Ф. кандидат сельского хозяйства	2			почтовый тракт Гдов - Белая, берег озера Щир
9	деревня Выборово	Скрыдлова Е.В. Дворянка	3		владеет половиной озера Щир	почтовый тракт Гдов - Белая, берег озера Барское
10	усадьба Городок (Сковородка)	Срезневская Н.В., жена статского советника	1	200		берег озера Щир
11	мыза Малый Терем	Штрик А.Н., полковник	1			берег озера Щир
12	имение Губин Клин	Васильева А.И., генерал-лейтенанта наследники	3		с тремя службами	рядом станция Струги-Белая
13	село Новоселье (Лудони)	Васильев В., отставной фельдфебель	1	100	с двумя службами	шоссе С-Петербург – Псков
14	мыза Чашино	Кольцова- Масальская А.И., княгиня	3		сдает арендатор	рядом станция Новоселье,
15	станция Новоселье	Павловы З. и Т.	1	60		ж/д станция
16	пустошь Крукшино	Мефодьев Н., мещанин	2		построены, не сдавались	берег озера Щир

Положение имен из Таблицы 2

Приложение III. В. Маковский. Портрет И.Е. Цветкова, 1905

*Надпись на портрете И.Е. Цветкова:
«В. Маковский 1905. Струги-Белая озеро Щирь»*

Приложение IV. В. Маковский. Утреннее приветствие, 1906

*Надпись на картине:
«В. Маковский 1906. Струги-Белая)»*

Буданов Владимир Фёдорович

«В том, ушедшем в прошлое, краю...»

Стихи.

Владимир Фёдорович Буданов родился в 1934 г. в д. Вольшёво Порховского района Псковской области. Окончил в 1959 г. Ленинградский сельскохозяйственный институт и был направлен в Новгородскую область в совхоз «Лычковский». В 1961 г. окончил факультет журналистики Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ в Москве (ныне Московский гуманитарный институт). По окончании работал в различных газетах: «Новгородский комсомолец», «Новгородская правда».

В начале 1960-х гг. Владимир Фёдорович работал в Стругокрасненском районе.

По направлению Управления сельского хозяйства переехал на Валдай, долгое время работал главным зоотехником совхоза «Полометь» Валдайского района, проживал в селе Зимогорье.

Стихи Владимир Фёдорович начал писать ещё с начала 1960-х годов, печатался в нескольких сборниках и периодической печати. В 1981 г. в издательстве «Современник» вышла его книга стихов «Зимогорье». К началу 2000-х годов Владимир Фёдорович, находясь на пенсии, не перестаёт трудиться – учит детей прикладному и изобразительному искусству.

Маяки

Нет в море спусков и отлогов,
И перекрёстков в море нет.
Одна суровая дорога
Без указаний и примет.
Лишь маяки, с туманом споря,
Бомбардируют темноту,
Заняв близ моря
Или в море
У непогоды высоту.
На страже непоколебимы
И неподкупны маяки,
Недаром дарят их любимым
В миниатюре моряки.
Я помню:
Волны из металла
(Удар – и зубы изо рта).
Когда в Охотском нас мотало
И льды стучались в борта.
Мы всё же прибыли на базу.
Весь порт, пожалуй, встретил нас.
И за маяк наш одноглазый
Тост поднимали сорок раз.
Сам мастер пил
Не из стакана
Из кружки с видом маяка,
Мы подливали капитану
От злого зубра «молока».
Мы знали:
Завтра вновь в дорогу,
Где нет отметок и примет,
Где нет подъёмов и отлогов
И перекрёстков тоже нет.

В пути

Вековые,
К преданиям ближе,
Сосны... Сосны –
Глухая сонь.
Конь ступает по иглам рыжим,
И ушами поводит конь.
Тени страхом холодным колки.
Я от страха немного пьян.
Вижу скачет на сером волке
Свет-царевну везёт Иван.
Эй, постойте!
Присядем, что ли?
И, поверьте, прошу не спроста:
Я сегодня как будто болен,
А скорее всего –
Устал.
Знаю:
Люди вы неплохие,
Жаль, что дальше не по пути.
Сочиню про любовь вам стихи я, –
Их любимой, Иван, прочти.
Я, признаться, ещё не видывал
Красоты такой
Неземной
Что ж, прощайте,
Ведь мне в Давыдово,
Мне на ферму,
А вам – домой.
Мне к дояркам,
У них вопросов
И претензий ко мне не счесть,
Закурю-ка пока папиросу,
Чтоб не очень хотелось есть.
Снова снег,
Мне тепла немножко,
Отдохнуть бы часок-другой.
Пусть в избушке на курьих ножках, –
Я поладил бы и с Ягой.
Темнота подступает ближе.
Где-то светит и мой огонь.
Коль шагает по иглам рыжим
И ушами поводит конь.

Речка Люта

В ветках ив блестит слюда,
Снегири висят, как сливы.
Речка Люта
Не люта –
Озорна и говорлива.
Из кристальных родников,
Из ключей берёт начало,
Ни болот-торфяников,
Ни заломов не встречала.
И бежит, бежит звеня,
Без усталых опозданий.
Люта дарит для меня
Отраженья мирозданий.
Люте песни я пою.
Волны их проносят мимо.
Но и та вода, что пью,
Прозой став,
Неповторима.
Носят Люту по утрам
Люди в дом на коромысле,
В кадки льют,
И плещут там
Смех реки,
Стихи
И мысли.

Коммунизм – это труд

Создают изобилье не на год –
На век.
Чтобы было оно
И весомо,
И зримо.
Ты прекрасен,
Хозяин земли – Человек!
Твоя воля и разум
Не истощимы.
Тихо зреет заря,
Коммунизм начинается так:
Просыпается день,
Надевает рабочую форму.
Он на фермы выходит,
Встаёт за верстак,
Обгоняя и время,
И сроки,
И нормы.
Мы возводим прекрасный
И радостный дом,
Мы выходим, как прежде,
На мирные старты.
Коммунизм – это труд.
Значит, только трудом
Можно выковать наше
Счастливое завтра.
Будет радость,
Исчезнут и горе, и страх,
Будет небо над миром
Высоким и чистым.
Потому что история –
В наших руках.
Потому что мы люди
И коммунисты!

Мать

Не вошли –
Ввалились:
– Ух, дорога...
– Нам погреться б.
– Грейтесь голубки...
Веткой у шербатого порога
Тщательно отбили каблуки.
Скинули ушанки и шинели,
Должное отдав половикам,
Осторожно у припечка сели:
Ноги каблуками к каблукам.
– Служите?
– Ну, да, бабуся, служим.
– Холодно, а ехать далеко.
– Вы к столу – в момент осилим стужу
Чаем и топлёным молоком...
Самовар гудит самовлюблённо,
А тепло,
Какого не сыскать.
И у всех срывается невольно
Слово очень ласковое «Мать».
А когда о жизни расспросила,
Сняла фото в рамке со стены:
– Вот они: Георгий и Василий.
Не вернулись родные с войны.
– Ну, пора.
Пожалуй, засиделись.
Как бы путь совсем не замело.
Затянули поплотней шинели,
Чтобы дольше сохранить тепло.
И ушли.
Нестройно вьюга выла,
Мать всплакнула молча в тишине.
А потом старательно полила
Две герани
В кадках
На окне.

В лесу

Стихли ярые метели,
И безропотно в лесу
Перегруженные ели
Кипы снежные несут,
Не видать ветвей-иголок,
Сверху снег
И снизу снег.
А мороз
И зол, и колок,
Словно желчный человек.
Деда шуткой огорошу:
С веток,
Если захочу,
Я снега на землю сброшу
И Мороз расхохочу,
Пусть до коликов гогочет –
Обессилен, сляжет он.
И скажу:
– Спокойной ночи.
Ты не страшен,
Ты смешон.

Сосны

Здесь воздух смолистый
Особенно прян,
Здесь волны вобрали
Небес синеву.
Здесь птицы неистово
По утрам
Куда-то в неведомое зовут.
Здесь держатся сосны
Когтями корней
За жизнь,
За мёртвый щебенистый склон.
Я верю в их силу,
И хочется мне
Их мужеству низкий
Отвесить поклон.
Не сотни,
А может быть тысячи гроз
Вонзали,
Вбивали в них ветер и град,
Топило их солнце,
Глумился мороз,
Но сосны,
Как прежде,
Упорно стоят.
И видят
Лишь доброе сосны
Во сне,
Не помня обид,
Не умея дрожать.
За стойкость хочу я,
Стряхнув первый снег,
Смолистые лапы
Как друзьям
Пожать.

Я озоном дышу

Я дышу озоном.
Плохо, что ли?
Целый день, как маятник в седле...
Помню,
Говорили ещё в школе:
– Оставайтесь дети на селе.
Говорили словно из-под палки
(Только завуч был в речах мастак),
Но, по правде,
Было просто жалко
По указке лгущего вот так.
Уставали верить.
Уставали
Оттого, что хлеб не каждый день.
В городах колхозами пугали,
В чём-то провинившихся людей.
Мало кто тогда остался дома
В том, ушедшем в прошлое, краю.
Даже хлеборобы, агрономы
До сих пор в киосках продают.
Было?
Было.
Было, да уплыло,
Но осталось словно бы назло
Мнение мещанское
Постылое:
Лучше в Магадан,
Чем на село.
Лучше ли?
Село я почитаю
За тревоги его трудных дней.
И теперь за правило считаю
Городом запугивать людей.
Не по принуждению, а по воле
Я мещанам отрубаю в лоб:
Дышим мы озоном,
Плохо что ли? –
Нынче инженером ходит в поле
Наш
С хитринкой
Русский хлебороб.

Стройте зданья среди берёз

Чистота берёз первозданная,
Чище воздух после гроз.
Если будете строить зданья,
Люди,
Стройте среди берёз.
Чтобы в окна стучали листьями,
Чтобы сказы шептали вам.
Пусть поможет собраться с мыслями
Нежно пахнувшая листва.
Есть в берёзах грустинки осени,
Радость жизни весенних дней.
А в безжалостных нитях просеки
Лишь усталость её корней.
Но вокруг её
По заданию
Молодняк белоствольный подрос.
Если будете строить зданья,
Люди,
Стройте среди берёз.

Мечты о весне

Ты надень своё светлое платье
И хорошие туфли надень.
Будет в нашей холодной хате
Тёплый-тёплый весенний день.
Влезем мы на топчан с ногами
И, забыв про тревоги дней,
Будем письма писать стихами
Тем, кто ближе нам и родней.
А чтоб ночь не пугала очень
И добрее была метель,
Я прочту тебе много строчек
Про далёкий ещё апрель.

Темна вода,
Настой болотный,
В тяжёлых травах берега.
Здесь в сорок первом полк пехотный
Неделю сдерживал врага.
Перепахали землю мины, –
Взрыхлил, родимую, металл...
Ушла война,
И светлый, мирный
Березнячок упрямо встал.
И сквозь туманы на болоте,
На тень воронок
С высоты
Шмели, как пули на излёте,
Гудят и падают
В цветы.

Телёнок

Не может быть тут разных мнений,
Беда пугающе весома.
Я опускаюсь на колени
В овсяно-спелую солому.
Сквозняк шныряет по сараю
И гонит пыль,
И гасит лампу.
К шприцу иголку подбираю,
Ломаю горлышки у ампул.
Хозяйка ёжится от хруста,
Кого-то шёпотом ругает.
А он доверчиво и грустно
Глазами влажными моргает.

Источники:

- Буданов В.Ф. Зимогорье: Стихи. – М.: Современник, 1981. – 47 с. – (Первая книга в столице)
- С высот былинного Валдая: Стихи валдайских поэтов. – М.: Голос-пресс, 2002. С.5–18.
- Буданов В.Ф.// За коммунизм. – 1962. – январь.
- Буданов В. Хлеб// Наш Современник. – 1975. – №11. С.121.

СЛОВО ОБ АВТОРАХ

- **Ефимов Алексей Николаевич** – родился 25 февраля 1970 года в п. Струги Красные. В 1985 году окончил восьмилетнюю школу № 5 г. Пскова, а в 1989 году – Псковский строительный техникум. В 2005 году окончил Псковский политехнический институт. С 2005 года работает инженером-конструктором. С 1991 по 2005 год работал реставратором каменного зодчества в Псковском специальном научно-реставрационном арендном управлении, с 1997 года руководил бригадой реставраторов. Под его руководством велись реставрационные работы в Святогорском и Спасо-Елеазаровском монастырях, в Изборской крепости, на церкви Василия на Горке, храмах Рождественской батареи. С 1992 года занимается краеведением, опубликовано более 80 работ.

- **Иванова Ирина Алексеевна** – учащаяся 11 класса Струго-Красненской общеобразовательной школы. Участница проекта «София».

- **Распутько Даниил Геннадьевич** – учащийся 8 класса Струго-Красненской общеобразовательной школы. Участник проекта «София».

- **Фёдоров Алексей Иванович** – родился 30 марта 1979 года в деревне Марьино Струго-Красненского района. Окончил Струго-Красненскую среднюю школу в 1996 году. В 2001 с отличием окончил военный университет связи. Проходил военную службу в гвардейской Кантемировской дивизии в г. Наро-Фоминске Московской области. В 2003 году уволен в запас. С 2004 года по настоящее время работает в филиале ОАО Мобильные ТелеСистемы «Макро-регион «Северо-Запад» в должности руководителя группы. Проживает в Санкт-Петербурге.

СОДЕРЖАНИЕ

**Распутько Д.Г. Лето 1941 года в исторической хронике
и воспоминаниях стружан**

3

Фёдоров А.И. Наши земляки – герои незримого фронта

11

Федоров А.И. Вильгельм Кумелан

25

Васильев Г.И. Конёк, мой конёк: Воспоминания

36

Чихачёв Н.И. С родиной в сердце: Воспоминания

43

Ефимов А.Н. Защитники веры, царя и Отечества

60

**Иванова И.А. Состояние и развитие «дачной промысел»
в районе станции Белая (Струги Белая) Лужского уезда
С.-Петербургской губернии в конце XIX-начале XX века**

69

Буданов В.Ф. «В том, ушедшем в прошлое, краю...».

Стихи

82

**Благодарим авторов альманаха
ЗА БЕСКОРЫСТНОЕ
предоставление своих работ!**

Приглашаем к сотрудничеству!

**Обращаться с идеями и отзывами:
п. Струги Красные,
ул. Победы, д. 2в
Центральная районная библиотека
Методический кабинет
Телефон 52-132
Электронная почта booksk@yandex.ru**

**Финансирование альманаха:
Администрация городского поселения
«СТРУГИ КРАСНЫЕ»**

Автор идеи и составитель: Иванова И.Е.

**Распространяется по библиотекам
Струго-Красненского района и ОУНБ.**

Верстка **Китазима И.**
Корректор **Колесниченко М.**

Отпечатано в типографии ООО Печатный Двор «Стерх».
Заказ № 899. Тираж ** экз.

ПЕЧАТНЫЙ ДВОР *стерх*
(8112) 20-14-14, 20-19-99

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

В 11 номер литературно-краеведческого альманаха «Наш край» вошли:

- **Ананьева (Ковалевская) Е.В.** Нашествие на жизнь.
- **Грачёв В.И.** Каникулы обернулись концлагерем.
- **Акимов А.Г.** Начало войны: происходило что-то непонятное.
- **Ксенофонтов В.В.** Две недели с начала войны.
- **Иванова И.А.** Представители семьи Романовых на Струго-Красненской земле.
- **Нефёдова Т.А.** Первая школа на территории современного Струго-Красненского района.
- **Фёдоров А.И.** Блоки. Качаловы. Киришаумы.
- **Федоров А.И.** Районная газета.
- **Кох Н.П.** Очерки тридцатых годов.

В 12 номер литературно-краеведческого альманаха «Наш край» вошли:

- **Фёдоров А.И.** Последний бой у деревни Лудони.
- **Ефимов А.Н.** Деревня Букино в годы войны и в мирное время.
- **Глазкова Н.Б., Иванова Т.М.** Довоенная и послевоенная Струго-Красненская школа в воспоминаниях учителей и выпускников.
- **Петров К.Р.** Изучение истории и современного состояния деревни Симанский Лог.
- **Имение Луговое.**
- **Иванова И.А.** Изучение состояния популяции Лобелии Дортманна в некоторых озерах Струго-Красненского района.
- **Семенов В.А.** «...В моих объятиях земля!». Стихи

Шматов Ю.А. Струго-Красненский храм здоровья: О строительстве больницы в поселке Струги Красные. - Псков, 2016. - 80 с.

В книге представлены воспоминания автора и журналистские статьи о строительстве нового здания районной больницы в Стругах Красных.